

ЭМИГРАНТЪ

Литературный и иллюстрированный журналъ.

№ 1

Содержаніе:

1924 г.

- „Наше лицо“ — статья А. В. Чернявскаго.
„Вѣрить хочется“ — стих. Н. Н. Карпова.
„Небрежность сосватала“ — рассказъ В. Нѣмковскаго.
„Параллель“ — стих. Н. Н. Карпова.
„Коллонтай“ — воспоминанія капитана II-го ранга С.
„Изъ исторіи Русской общест-венности въ Эстоніи“ — статья Александра Черниговскаго.
„Ардаліонъ“ — рассказъ Влади-мира Гущика.
„Пять рондо“ — стих. Игоря Сѣ-верянина.
„Царь Θεодоръ“ на сценѣ Рус-скаго театра — рецензія Не-рецензента.
Кино. Копилка курьезовъ.

Издательство „ЭМИГРАНТЪ“

Tallinn (Reval), S. Juhkentali t. 2. Tel. 25-11

Г. МАРКОВИЧЪ.

Настоящимъ имѣю честь извѣстить, что мной открытъ по
Глиняной, № 15

главный часовой и ювелирный магазинъ

и прошу уважаемую публику убѣдиться въ дешевизнѣ цѣнъ на имѣющіеся въ большомъ
выборѣ стѣнные, столовые и карманные часы, будильники, часы-браслеты — дамскіе
и мужскіе — золотые, серебряные и металлическіе, отъ самыхъ дешевыхъ сортовъ до
самаго высокаго качества, а также на всевозможныя золотыя, серебряныя, альпака и
дубле вещи.

Самое выгодное мѣсто въ Эстоніи г.г. перепродавцамъ для закупокъ!

Г. МАРКОВИЧЪ.

Самая старинная конфектная фабрика

А. Брандманъ

Существуетъ съ 1901 г.

Ревель, М. Юрьевская, 4. Телефонъ 15-94.

Предлагаетъ изъ собственной фабрики
всевозможные сорта шоколада, карамели
и бисквита.

Самыя ароматныя и пріятныя на вкусъ
папиросы

Акц. О-ва „Astoria”

ОТЕЛЬ-РЕСТОРАНЪ

„ЕВРОПА“

Глиняная ул., № 24. Телефонъ 11-68.

Лучшая кухня Ревеля подъ наблюдениемъ первокласснаго петроградскаго повара.

Не такъ давно отремонтированные и заново обставленные
УЮТНЫЕ НОМЕРА И КОМФОРТАБЕЛЬНЫЕ КАБИНЕТЫ.

Ресторанъ открытъ до 2-хъ час. ночи.

Музыка отъ 2—4¹/₂ ч. дня и 8—12¹/₂ ч. ночи.

М. ТИХОНОВЪ.

Центральн. книжный складъ

„Русская книга“

Большой выборъ всевозможныхъ книгъ. Последія новости. Классики. Дешевыя книги для легкаго чтенія. Мемуарная литература. Научныя изданія. Учебники. Книги для дѣтей и юношества.

Ревель, Королевская 3.

МАРКИ для КОЛЛЕКЦИИ

Покупка. Продажа. Обмѣнъ.

Ewald Eichenthal

Tallinn — Eesti, Kuninga tän. Nr. 6.

Магазинъ обуви

А. ШТЕЙНБЕРГЪ

Новая ул. 26 (Narju tän.)

Обувь высшаго качества.

Принимаются заказы и починки.

Важно для всѣхъ!

ЧАЙНАЯ „ПРЯТЕЛЬ“

противъ театра „Эстонія“.

Русская кухня. Завтраки, обѣды и ужины съ 11 час. утра. Горячіе московскіе пирожки. Сибирскія пельмени. Кавказскіе шашлыки. Московскіе селянки и пироги. Чай порціями по-русски въ чайникахъ.

Открыта къ приходу всѣхъ поѣздовъ.

Съ сов. почтен. А. ШАРОВЪ.

Только первоклассный товар!

Швейные машины знаменитой фабрики „Мундлосъ“, шьютъ и вышиваютъ. Обучение вышивкѣ бесплатно.

Велосипеды всѣмъ извѣстныхъ фабрикъ „Вандереръ“ „Бреннаборъ“.

Вязальные машины нѣмецк. и шведск. фабрикъ „Перъ Персона“, „Класъ и Флентъе“ и „Ирмшеръ и Витте“.

Допускается разсрочка платежей.

Петроградская фирма

ЛИРЪ и РОССБАУМЪ.

Ревель, Колесная ул., 5.

Морская, 3.
Самый старый Ревельскій магазинъ готовыхъ дамск. и мужскихъ нарядовъ. Суш. съ 1880 г.

С. ШВАРЦЪ

Предлагаетъ къ весеннему сезону въ большомъ выборѣ элегантныя дамскія и мужскія верхнія готовыя платья. Цѣны самыя умѣренныя. Принимаются также заказы по послѣднимъ фасонамъ съ ручательствомъ за добросовѣстное исполненіе. Громадный выборъ мужскихъ шляпъ и английскихъ кепокъ.

Морская, 3. С. ШВАРЦЪ.

GRAN-PREMIO
A. ADAMIKA.
SARPA KAUPUS. WANA POSTI TÄN. 2

Самая красивая и изящная обувь

„АКВА“

Заводъ безалкогольныхъ напитковъ.

Tallinn, Vaimu t. 1.

Телеф. 6-19. Телегр. адр.: „Аква—Tallinn“.

Высшаго качества безалкогольные ликерные и винные

ЭКСТРАКТЫ.

Повсюду извѣстный прохладительный напитокъ - лимонадъ

АКВА „Sidroni-Soda“,

кромѣ того: сельтерская, содовая вода, виши, уксусъ, винный уксусъ и т. д.

Даю уроки

нѣмецкаго языка

и przygotowляю дѣтей въ школу.
Немме, Harku tänav Nr. 7. R. S.
Отъ 10—2 ч.

3 **Торг. домъ „ЭЛЕКТРОНЪ“** 3

Б. Михайловская, 3, тел. 17-55.

предлагаетъ со своего склада по дешевымъ цѣнамъ внѣ конкуренціи готовыя верхнія **ПЛАТЬЯ**, мужскіе **КОСТЮМЫ** и **ПАЛЬТО**, а также дамскія **ПАЛЬТО** и **ДОЖДЕВИКИ**.

Аккуратная и изящная работа. Принимаются также заказы на готовое платье.

Имѣются мануфактурные и галантерейные товары.

3 **EN GROS. EN DETAIL.** 3

Искусственные масла
„Vitello“

и
„Sanella“

известной голландской фабрики

Van den Bergh,

незамѣнимы при приготовленіи
 пасхальнаго стола.

Имѣются въ продажѣ во всѣхъ гастро-
 номическихъ и колоніальн. торговляхъ.

Представитель для Эстоніи:

А. ЭЙНПАУЛЬ,

молочная фирма.

Ревель, Симеоновская, № 19.

Телеф. 22-24.

Т/д. **A. Hiir**

Ревель, Банная, 1. Тел 26-37.

Телегр. адресъ: „АНИИР“; почт. ящикъ 163.

Предлагаетъ со своего склада только
 первоклассный товаръ: масло, сыръ
 всѣхъ сортовъ, всевозможныя консер-
 вы, апельсины, лимоны.

Единственная въ Ревелѣ продажа жи-
 выхъ рыбъ.

ОПТОМЪ И ВЪ РОЗНИЦУ.

Kõiksugu naisterahva kübarate üle-
 tegemine.

Hulga viisi ja üksikult.

F. KAMENETZ,

Tallinn, Harju tän. 36.

Всѣ отдѣлки для дамск. нарядовъ.

Оптомъ и въ розницу.

Мануфактурный магазинъ
И. ЕГОРОВА

Старый рынокъ, 18, прот. Ратуши
 Телефонъ 19-46.

предлагаетъ въ большомъ выборѣ:
 трико для костюмовъ, пальто;
 шерстяныя, шелковыя матеріи для
 дамскихъ платьевъ. Всевозможныя
 льтнія ткани, одѣяла, тюль, гар-
 динный и бѣльевоу товаръ. Пер-
 чатки, чулки, носки и другой га-
 лантерейный товаръ.

Запомните разъ - на - всегда, что
 русская Петроградская

БАРАНОЧНАЯ МАСТЕРСКАЯ

Е. Н. ГОРБАЧЕВА

помѣщается на Б. Юрьевской, 12, телеф. 4-93.

6 карточекъ — 35 мк.

и дороже.

Для удостовѣреній приготовля-
 ются срочно.

Снимки всякаго рода, какъ-то:
 груп. фотогр., граверныя каби-
 нетныя, визитныя, открытки и
 фото-миніатюры.

Увеличеніе съ любой фотографіи.
 Фото-эмаль для колець, брошекъ
 и т. д.

Фото-ателье Карль Озолъ

Mundi tän 2 (прот. Ратуши).

Внимание!!! **Внимание!!!**

Быстро и **==**
== **дешево**

проявляю, печатаю и
увеличиваю съ него-
тивовъ и карточекъ.

Владимирская (S. Jakobsoni tän.)
№ 71-а, кв. 3.

Важно для любителей-фотогра-
фовъ!

Внимание!!! **Внимание!!!**

Мастерская

мужской и дамской изяшной
обуви

Б. Розенштейнъ

поставщика бывш. Павловскаго
воен. училища въ Петроградѣ.
Б. Арефьевская 5.

Принимаются всякаго рода за-
казы и починки по возможно
дешевой цѣнѣ съ гарантіей за
аккуратность работы и добро-
качество материала.

Также примимаются заказы на
изготовленіе

ортопедической обуви.

Имѣется дипломъ объ окончаніи
курсовъ ортопедической сапож-
ной мастерской при Юрьевскомъ
университетѣ.

Настоящимъ честь имѣемъ довести до свѣдѣнія нашей многоува-
жаемей клиентуры, что нами только что получены въ большомъ выборѣ

весенній матеріаль

для дамскихъ и мужскихъ

костюмовъ, пальто, одежды и бѣлья.

Мы приобретаемъ нашъ товаръ исключительно отъ первоклассныхъ
мѣстныхъ и заграничныхъ фирмъ и предлагаемъ его нашимъ поку-
пателямъ по старымъ, возможно дешевымъ цѣнамъ.

Съ совершеннымъ почтеніемъ

E. EGLON & Co.

Магазинъ мануфактурныхъ и модныхъ товаровъ Морская № 1.

ЭМИГРАНТЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ и ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

Редакція: Suur Juhkentali tänav Nr. 2. — Телефонъ № 25-11.

Приемъ ежедневно, кромѣ праздниковъ, отъ 9 ч. у. до 5 ч. дня.

Объявленія: 1/1 стран.—4.000 мрк., 1/2 стран.—2.000 мрк., 1/4 стран.—

1.000 м., 1/8 стран.—500 м., среди текста и на обложкѣ —50% дороже.

При повторныхъ объявленіяхъ — скидка по соглашенію. **Предложенія и спросъ труда и розыски бѣженцевъ бесплатно.**

№ 1.

Апрѣль 1924 г.

I годъ изданія.

Наше лицо.

Двухмилліонная русская эмиграція— явление въ исторіи исключительное и необычайное.

Въ сравненіе съ нимъ можетъ идти развѣ только бурная эпоха конца XVII и начала XVIII вѣковъ.

Тогда выходцы изъ старой Европы, не желая мириться съ гнетомъ нужды и крѣпостничества на своей родинѣ, сплошнымъ потокомъ хлынули за океанъ, на борту кораблей, везшихъ ихъ въ Новый Свѣтъ, заключали между собой общественные договоры о формахъ новой жизни и, закаленные въ борьбѣ съ лишеніями и природой, основали въ Америкѣ новое государство на началахъ разума, свободы и права.

Русская эмиграція— боецъ за новую и лучшую русскую жизнь, за грядущую Великую и вольную русскую Россію.

Свергнувъ инородческое иго, мы возьмемъ изъ старой жизни то, что отвѣчаетъ духу и сердцу русскаго челоуѣка.

Это:

— Вѣра Православная.

— Историческая національная власть, изъ малой и темной Московіи построившая Великую Россію.

— Народная стихія, самобытный укладъ русской жизни и массовой души, которымъ Россія особляется и отдѣляется отъ Европы въ самобытное царство культурныхъ цѣнностей и чуть-ли не самостоятельную седьмую часть свѣта.

Два вѣка назадъ желѣзная воля Императора Петра Великаго, ради цѣлей русской великодержавности, оторвала отъ здоровой народной толщи правящіе русскіе верхи.

А ложная идея социализма и интернационализма уже съ 20-ыхъ годовъ прошлаго вѣка оскопила отъ всякаго дѣйствительнаго національнаго содержанія родную сестру внѣнациональной петербургской бюрократіи—нашу интеллигенцію.

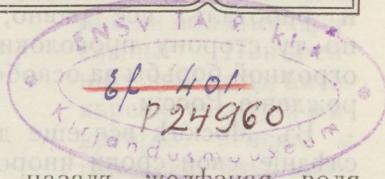
Теперь, послѣ всего огромно-совершившагося и выстраданнаго, нашъ лозунгъ:

— Назадъ!

— Возвращеніе въ идейномъ и національномъ смыслѣ къ устремленіямъ и навыкамъ кондовой допетровской Россіи, къ идеямъ перваго націоналиста, Юрія Крижанича, и къ мироощущенію тишайшаго царя Алексѣя Михайловича.

Но Россія не даромъ уже двѣсти лѣтъ шла одной съ Европой дорогой культурнаго развитія, не только отставая, но во многомъ—въ художественномъ творчествѣ, въ путяхъ социальной справедливости и т. д., обогнавъ Западъ на цѣлое столѣтіе.

Опытъ Европы, достиженія европейской культуры и техники должны быть разумно нами использованы, чтобы обезпечить народу активное участіе въ строительствѣ своей государственной жизни, закрѣпить за нимъ пользованіе благами культуры и просвѣщенія

поднять наконецъ русскія народныя массы до уровня достойнаго человѣческаго существованія.

Путь—одинъ:

Великое дѣло незабвеннаго Императора Александра II, дѣло 19-го февраля 1861 года, дѣло освобожденія и обеспечения землей русскаго пахаря, должно быть снова послѣ „великой гнуса“ революціи быть доведено до конца объединеннымъ дѣйствіемъ и волей Национальной Власти и народа.

Россія должна стать матерью для всѣхъ, кто сражался, страдалъ, болѣлъ и работалъ, все равно, по эту или по ту сторону проволоки, въ эти годы огромной борьбы за освобожденіе и возрожденіе Россіи.

Въ Москвѣ все еще доживаетъ послѣдніе свои сроки инородная социалистическая и интернаціональная власть—ибо большевизмъ только самая активная и послѣдовательная вѣтвь социализма.

Но повальное сумасшествіе революціи и разрушенія изжито уже въ широкихъ народныхъ массахъ по ту и по эту сторону проволоки.

Бѣлая зарубежная Россія первой стала національной.

Красная Россія—становится таковой.

Когда вторая на этомъ пути сравняется съ первой, **не будетъ ни бѣлой, ни красной, а будетъ одна русская Россія.**

Развязка—уже не далека.

Наша задача почетна и ясна:

Сохранить русскую государственную и культурную идею до этого момента.

Протерпѣть до конца, но не пріять ни мира съ большевицкой ордой, ни большевицкаго Ленинграда.

Начавшійся 1924 годъ уже принесъ Вождя и надежду на близкое объединеніе.

Періодъ затишья проходить.

Впервые послѣ конца Великой войны Европа вступаетъ въ полосу окончательныхъ рѣшеній и свершеній.

На святой Руси пѣтухи поютъ.

Скоро будетъ день на святой Руси.

Александръ Чернявскій.

Върится хочется...

*Сегодня, какъ вчера, и завтра — какъ сегодня,
Текутъ изгнанника безрадостные дни...
Куда меня, къ чему ведетъ рука Господня? —
Густой туманъ покрывъ маячные огни.*

* * *

*Но дологъ тяжкій путь и безотрадны дали,
А жизни ночь темна, не скорь еще разсвѣтъ...
Я жду его съ тоской, какъ манны съ неба ждали
Израиля сыны, мольбѣ своей въ отвѣтъ.*

* * *

*Мнѣ върится хочется, настанетъ часъ желанный,
Лучъ возрожденія блеснетъ въ туманной мглѣ
И, съ кликомъ радости, въ мигъ счастья долгожданной
Въ рыданьяхъ припаду къ родной моей землѣ!*

Н. Н. Карповъ.

Небрежность сосватала.

Разсказъ.

Въ 1904 г. различныя общественныя собранія и учрежденія начали подавать тогдашнему министру внутреннихъ дѣлъ князю Святополкъ-Мирскому докладныя записки и резолюціи, въ которыхъ повторялась на всѣ лады одна и та же фраза, очевидно заранѣе выработанная отпечатанная въ сотняхъ тысячахъ экземпляровъ и разосланная во всѣ земскія, городскія и общественныя учрежденія. Вдругъ всѣ, такъ называемые, „прогрессивныя“ сѣзды разныхъ наименованій почувствовали непреодолимое влеченіе къ самой широкой конституціи и на всѣ лады стали заявлять, что для бытія Россіи „необходима всеобщая, равная, тайная подача голосовъ“ безъ различія „въ роисповѣданія и національностей“.

Иныя группы лицъ, какъ напримѣръ, санитары, ветеринары и ассенизаторы, заявляли, что для успешнаго вывоза нечистотъ необходима всеобщая, равная, тайная подача голосовъ и что до введенія въ Россіи социалистическаго строя невозможенъ никакой успѣхъ въ дѣлѣ оздоровленія русскихъ городовъ, и что ветеринары только въ томъ случаѣ будутъ въ состояніи удачно лѣчить коровъ и барановъ, если въ Россіи будетъ упразднено „царское самодержавіе“.

Сравнительно долго оставался въ сторонѣ отъ этого движенія уѣздный городъ N-скъ, Черниг. губ.

Несмотря на пестроту своего населенія, состояющаго изъ хохловъ, великороссовъ-старообрядцевъ, евреевъ и въ незначительномъ количествѣ поляковъ,

жизнь въ городѣ протекала замѣчательно мирно. Никакой національной розни не замѣчалось ибо, каждый изъ обывателей зналъ свое мѣсто и былъ занятъ своимъ личнымъ дѣломъ.

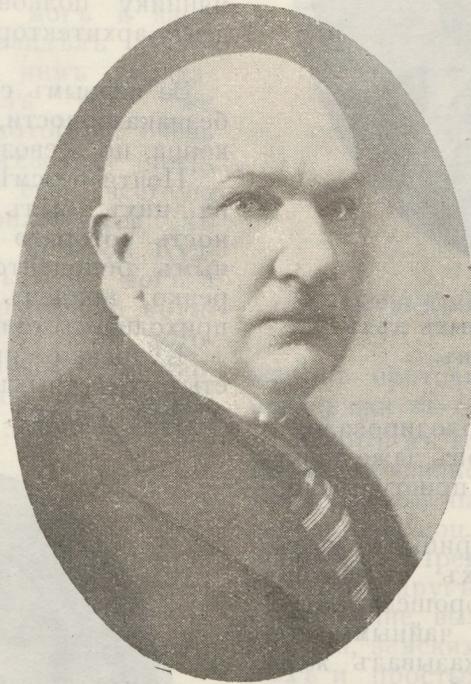
Однако всему приходитъ конецъ. Былъ положенъ конецъ и мирному житію города N-ска образованіемъ и выступленіемъ группы, именованной себя „передовой интеллигенціей“.

Въ нее вошли молодые Присяжные Повѣренные, дантисты, аптекарскіе ученики, нѣкоторые земскіе и городскіе служащіе, прекратившіе занятія и прибывшіе на родительскіе хлѣба студенты, а также учащіеся мѣстныхъ среднихъ учебныхъ заведеній. Эта „передовая интеллигенція“ не захотѣла отставать отъ другихъ городовъ и вотъ, устроивъ собраніе въ зданіи лѣтняго городского театра подъ предсѣдательствомъ земскаго гласнаго, б. землемѣра Всеволода Иосифовича Наркевича, вынесла извѣстную уже шатлонную резолюцію.

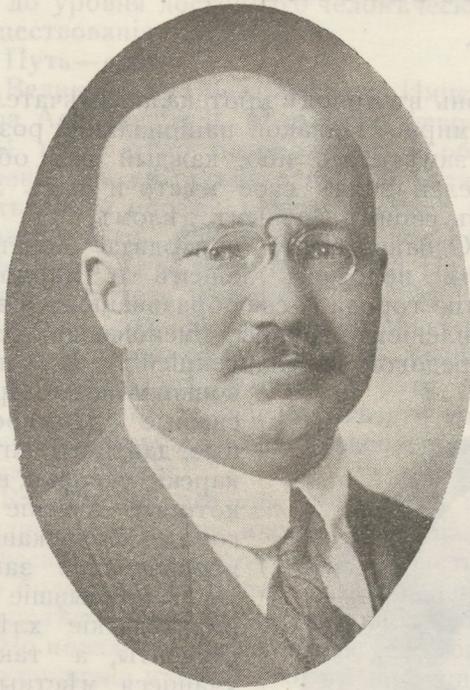
Замѣчательно, что рѣчь единственнаго оппонента на собраніи отставнаго полковника Кудренко прерывалась не только шиканіемъ, но и возгласами одобренія, изъ чего слѣдовало, что не всѣ присутствующіе жаждали превращенія Русской Имперіи въ республику.

Тѣмъ неменѣе, зачинщики этого митинга послали министру внутреннихъ дѣлъ заявленіе, будто собраніе общественныхъ „представителей“ г. N-ска единогласно вынесло указанную резолюцію.

Послѣ собранія В. И. Наркевичу были оказаны исключительныя оваціи.

Глава Государства Д-ръ Ф. Акель.

Министръ иностранныхъ дѣлъ
О. Штрандманъ.

Ему безъ конца апплодировали и такъ долго качали, что онъ даже почувствовалъ мучительные приступы морской болѣзни.

Домой Наркевичъ прибылъ въ сопровожденіи нѣсколькихъ студентовъ и въ исключительно хорошемъ расположеніи духа. Сидя за чайнымъ столомъ, онъ весело рассказывалъ женѣ и дочери о собраніи, добродушно подсмѣиваясь надъ выступленіемъ полковника Кудренко, съ которымъ онъ былъ до сихъ поръ въ добрыхъ отношеніяхъ.

„А тебѣ за это ничего не будетъ?“ тревожно спросила жена.

На мигъ въ глазахъ Всеволода Иосифовича промелькнуло безпокойство, но онъ тотчасъ овладѣлъ собою и беззаботно сказалъ:

„Нѣтъ! Нѣтъ! Теперь не тѣ времена. А впрочемъ, и пострадать за честныя убѣжденія не грѣхъ!“ Последнее онъ прибавилъ исключительно для молодежи. Всеволодъ Иосифовичъ былъ уже немолодой чѣловѣкъ, онъ имѣлъ домъ и небольшой капиталъ, принесенные въ приданное женой, что

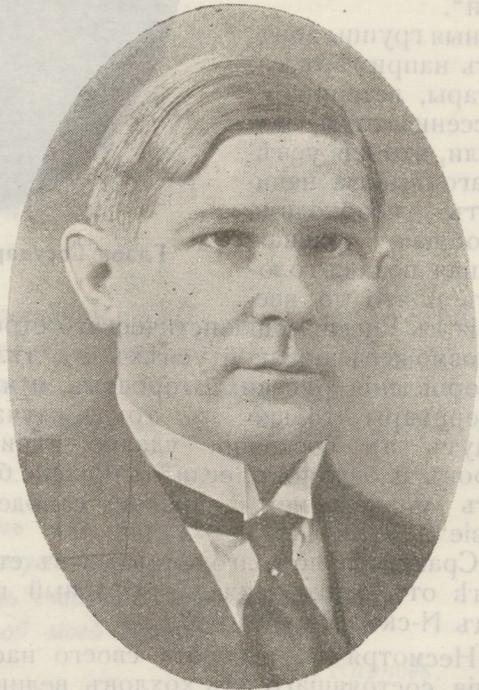
давало ему извѣстный вѣсъ въ городѣ. Въ сущности говоря, по своимъ привычкамъ и взглядамъ онъ былъ самымъ буржуазнымъ и безобиднымъ чело-вѣкомъ, но отъ предковъ, поляковъ въ отдаленности, къ нему перешли нѣкоторыя черты этой націи, а именно—наклонность поболтать, порисоваться и поиграть какую-либо роль.

Семья Всеволода Иосифовича, какъ уже упоминалось, состояла изъ жены и дочери Ани, прелестной 18-лѣтней дѣвушки, въ которую были влюблены чуть ли не всѣ молодые люди г. Н-ска, но сердце Ани принадлежало уже племяннику полковника Кудренко, студенту-архитектору Павлу Кудренко.

За первымъ собраніемъ, въ виду его безнаказанности, пошли собранія безъ конца, по всевозможнымъ поводамъ.

Почти безсмѣннымъ предсѣдателемъ на нихъ былъ Наркевичъ, популяр-ность котораго все росла, а неизмѣннымъ оппонентомъ—полковникъ Кудренко, причемъ на долю послѣдняго приходились только „шипы и тернии“.

Кудренко происходилъ изъ простыхъ мѣстныхъ казаковъ, учился на мѣдныя деньги, и только трудомъ и

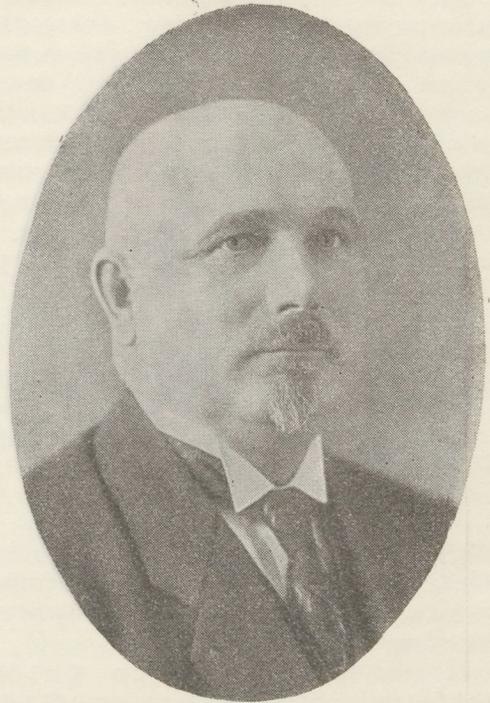
Министръ внутреннихъ дѣлъ
Т. Рыукъ.

упорствомъ выбился въ офицеры. Выслуживъ пенсію, онъ вышелъ въ отставку съ чиномъ полковника, купилъ въ городѣ небольшую усадьбу и въ ней поселился.

Будучи одинокимъ, онъ взялъ изъ деревни на воспитаніе своего племянника, о которомъ уже шла рѣчь, далъ ему образованіе и сейчасъ страшно беспокоился о дальнѣйшей его судьбѣ.

Строго дисциплинированный, воспитанный въ преданности православной вѣрѣ, царю и отечеству, онъ не могъ примириться со всѣмъ происходящимъ.

Онъ боролся, какъ могъ и какъ умѣлъ. Онъ возненавидѣлъ Наркевича, пересталъ съ нимъ раскланиваться и потребовалъ того же и отъ племянника, который очень часто забѣгалъ къ Всеволоду Юсифовичу, чтобы пожать его „честную руку“ и украдкой приложиться къ пухлымъ губкамъ Ани. Молодой Кудренко на это согласиться не могъ и между нимъ и дядей произошло крупное объясненіе, въ результатѣ котораго полковникъ предложилъ племяннику немедленно выѣхать въ деревню къ родителямъ „пасти свиней“, угро-

Военный министръ О. Амбергъ.

жая въ противномъ случаѣ лишеніемъ поддержки въ будущемъ.

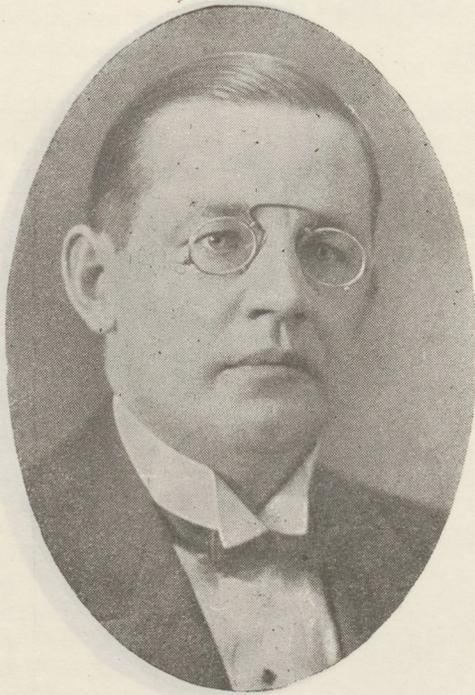
Вскорѣ въ городѣ, къ общему удивленію, появились, какъ грибы послѣ дождя, разныя партіи:—кадеты, социаль-демократы, соц.-революціонеры и даже анархисты. Представители этихъ партій ссорились другъ съ другомъ и держали себя крайне вызывающе въ отношеніи властей, земскихъ и городскихъ выборовъ и простыхъ безпартійныхъ обывателей. А т. к. видную роль въ нихъ играла еврейская молодежь, то среди населенія стали наблюдаться признаки національной и классовой непріязни. Атмосфера все сгущалась. Полковникъ былъ въ отчаяніи, т. к. ни въ комъ не видѣлъ поддержки, но вдругъ совершенно не ожиданно она пришла.

* * *

Однажды вечеромъ, когда полковникъ собирался уже ложиться спать, лакей (прежній его деньщикъ), доложилъ, что какой то человекъ желаетъ переговорить съ нимъ по важному дѣлу. Выйдя въ переднюю, полковникъ увидѣлъ, къ своему немалому удивленію, Маркела

Министръ земледѣлія А. Керемъ.

Министръ просвѣщенія проф. Г. Рахамыги.

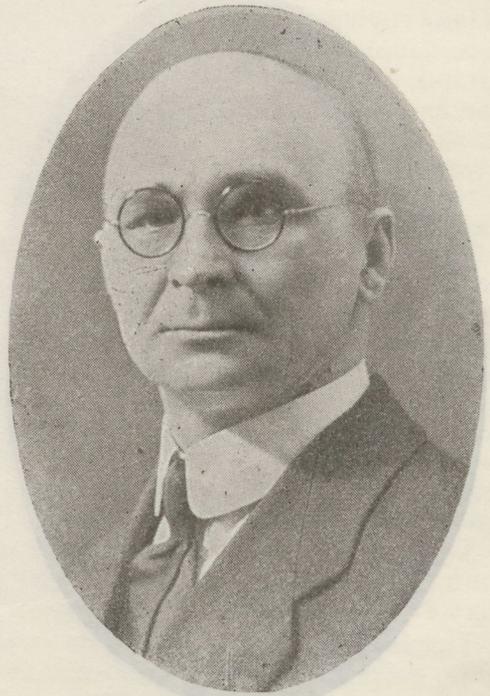
Колабухина, сына содержателя постоялаго двора, въ такъ называемой, Слободской части города, населенной, по преимуществу, старообрядцами. На вопросъ „что ему нужно?“, Колабухинъ отвѣчалъ: „Да вотъ, г-нъ полковникъ, жида и люцинеры ужъ больно одолѣли, житья русскому человѣку нѣтъ. Наши ребята хотѣли бы ихъ маленько проучить, но побаиваются начальства“. Заинтересованный полковникъ провелъ Колабухина къ себѣ въ кабинетъ, тамъ они наединѣ бесѣдовали довольно долго и разстались очевидно очень довольные другъ другомъ.

Черезъ нѣсколько дней Колабухинъ снова посѣтилъ полковника и послѣдній сталъ выглядѣть много веселѣе.

Въ ближайшее воскресенье въ городскомъ театрѣ происходилъ организованный партіей Соціалистовъ Революціонеровъ митингъ. По случаю праздничнаго дня онъ оказался многолюднымъ. Театръ былъ переполненъ, а непопавшіе во внутрь толкались возлѣ зданія, среди нихъ на этотъ разъ были и старообрядцы, вообще рѣдко посѣщав-

шіе митинги. Тутъ же находился и полковникъ. Когда, по окончаніи митинга, участники и его, развернувъ красныя знамена съ разными революціонными надписями двинулись, съ пѣніемъ интернаціонала, по направленію главной улицы, вдругъ на нихъ съ гикомъ бросилась толпа старообрядцевъ, въ количествѣ 30—40 человѣкъ, и стала наносить удары палками и самодѣльными нагайками. Демонстрантами овладѣла паника. Побросавъ на произволъ судьбы „священные эмблемы“ свободы и революціи, они поспѣшно стали спасаться въ ближайшихъ дворахъ и подворотняхъ.

Всеволодъ Іосифовичъ, шествовавшій въ первыхъ рядахъ, сначала не понялъ въ чемъ дѣло, но, почувствовавъ на своей спинѣ удары кнута, быстро побѣжалъ впередъ. По дорогѣ его кто-то пребольно хватилъ тростью по головѣ и сбиль шляпу. Ему показалось, что это былъ полковникъ, но убѣдиться окончательно въ этомъ онъ не имѣлъ времени, т. к. гнавшійся за нимъ мальчишка усиленно хлесталъ его по чемъ попало и никакъ не хотѣлъ отстать. Бѣгъ продолжался до тѣхъ поръ, пока Всеволодъ Іосифовичъ, споткнувшись, не упалъ. Кто то сильнымъ ударомъ тяжелаго мужицкаго сапога

Министръ путей сообщенія К. Каркъ.

отбросилъ его далеко въ сторону и это спасло Всеволода Юсифовича отъ опасности быть раздавленнымъ.

Когда Наркевичъ въ разорванномъ пальто, безъ шляпы и съ кровоподтеками на лицѣ явился домой, жена на его пришла въ ужасъ. На ея крикъ выбѣжали въ переднюю Аня и молодой Кудренко. При видѣ послѣдняго Всеволодъ Юсифовичъ пришелъ въ неопи- суюмую ярость.

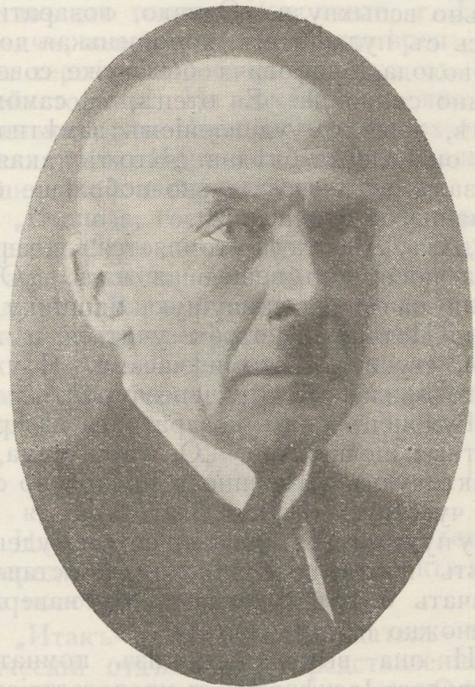
„Вонъ изъ моего дома негодный щенокъ! Чтобы ноги твоей здѣсь больше не было!“ кричалъ онъ на опѣшившаго студента.

Почти одновременно съ Наркевичемъ вернулся къ себѣ и полковникъ: „Вотъ тебѣ, Филиппъ, трофей сегодняшней побѣды. Спрячь его на память и береги!“ весело произнесъ онъ, вынимая изъ кармана шляпу. Это была шляпа Наркевича,

Печально брелъ по улицѣ молодой Кудренко. Разсорившись съ дядей, онъ нашелъ временный пріютъ у своего знакомаго подрядчика Гвоздева, который предложилъ ему составить проектъ на постройку зданія новой Земской Управы, обѣщая въ случаѣ получения

Министръ труда и призрѣнія
Х. Каарна.

Министръ юстиціи Р. Габрель.

работы принять его въ компаніоны.

По пути Кудренко узналъ о печальномъ финалѣ демонстраціи и понялъ причину гнѣва Наркевича.

Надо сказать, что этимъ печальнымъ концомъ страсти сторонъ разрѣшились и въ городѣ снова наступило прежнее спокойствіе.

Только полковникъ Кудренко и Всеволодъ Юсифовичъ долго еще враждовали другъ съ другомъ, пока одно обстоятельство, о которомъ разсказывается ниже, не примирило нѣсколько ихъ.

„Передай, Аня, чтобы мать поторопилась съ пуддингомъ!“ сказалъ нѣсколько раздраженно Наркевичъ, „Собраніе назначено въ 3 часа и я не могу опоздать. Сегодня будетъ разсматриваться проектъ новаго зданія Земской Управы и, если я не буду, то одному небу извѣстно, куда ихъ заведетъ этотъ гнусный полковникъ Кудренко!“

„Я сейчасъ принесу пуддингъ, папа“ перебила живо Аня, обращаясь въ быстрое отступленіе на кухню. Она была рада придратъся къ этому случаю, т. к.

ей нѣжныя щечки внезапно подозрительно вспыхнули. Однако, возвратившись съ пудингомъ, хорошенькая дочь Всеволода Юсифовича была уже совершенно спокойна. Ея отецъ, на самомъ дѣлѣ, даже съ удивленіемъ замѣтилъ, что она слегка блѣдна. „Что ты такая?“ сказалъ онъ,—желательно побольше бы румянца на эти щечки“.

„Ахъ, Аня такъ утомляется!“ возразила поспѣшно, вошедшая мать. „Она взяла на время пишущую машинку у Мани Потаповой, чтобы учиться, и теперь стучитъ цѣлыми часами. Я уже ей говорила, что это черезчуръ“.

Румянецъ опять возвратился на прелестныя щечки Ани. „О, нѣтъ, мама, я практикуюсь умѣренно и прекрасно себя чувствую. Нѣтъ, благодарю, я не хочу пудинга. Ты, папа, ничего не будешь имѣть противъ, если я васъ оставлю кончать обѣдъ, а сама пойду навѣрхъ немножко поупражняться“.

И она выпорхнула изъ комнаты. Всеволодъ Юсифовичъ съ удовольствіемъ посмотрѣлъ ей вслѣдъ. „Она дѣлается прелестнѣе и прелестнѣе съ каждымъ днемъ“ сказалъ онъ. „Она выскочитъ замужъ, во всякомъ случаѣ. Я страшно радъ, что показалъ фигу молодому Кудренко и выкурилъ этого молодца изъ нашего дома“.

„Что за выраженія, мой дорогой!“ ужасалась т-те Наркевичъ. „И почему ты такъ ужасно вооруженъ противъ него?“

Наркевичъ загорячился. „Вооруженъ противъ него?! Что вы воображаете? Не думаете ли вы, что я позволю моей дочери выйти замужъ за недоучившагося студента и родственника такого идиота, какъ полковникъ Кудренко? Да вы знаете-ли, что онъ имѣлъ нахальство сказать мнѣ на дняхъ: „Я отправилъ моего племянника на хуторъ,—кричалъ онъ,—чтобы свести его съ дурного пути. И я вамъ говорю прямо, что, если онъ женится на вашей дочери,—я его не признаю“, Наркевичъ былъ такъ раздраженъ, что съ трудомъ говорилъ.

„Не думаете ли Вы“, сказалъ я ему тогда, „что я допущу какую бы то ни было связь съ Вами? Если бы Вашъ племянникъ не былъ удаленъ, то я отослалъ бы свою дочь на другой конецъ свѣта. Вотъ что я сказалъ ему! Это было у булочной Хайкина. Плевать

мнѣ, что многіе прохожіе слышали! Пусть весь городъ знаетъ это!“

М-те Наркевичъ вздохнула. „Ахъ, очень жалко, что вы съ полковникомъ Кудренко въ такихъ скверныхъ отношеніяхъ! Все это поднялось изъ за этой проклятой революціи. Такъ и кажется, что во всякомъ дѣлѣ одинъ изъ васъ долженъ обязательно становиться въ оппозицію другому и...“

Всеволодъ Юсифовичъ смотрѣлъ на нее съ недоувѣрчивымъ ужасомъ. „Ты предполагаешь, что есть хотя бы малѣйшее сходство между тѣмъ, что я беру на себя для блага общества, и тѣмъ, что этотъ мерзкій, злощій...“

„Нѣтъ, нѣтъ, мой дорогой, конечно, нѣтъ!“ съ живостью возразила т-те Наркевичъ.

„Не всовываетъ ли онъ своихъ родственничковъ въ каждое дѣло? Не пытается ли повернуть все по своему? Не старается ли всегда провести свои гнусныя взгляды? Я благодарю небо, что Аня такая чуткая дѣвушка. При малѣйшемъ моемъ требованіи, она моментально выкинетъ изъ головы племянника полковника и...“

„Конечно, конечно, мой дорогой!“ согласилась поспѣшно его супруга, но выглядела очень задумчивой.

* * *

Между тѣмъ Аня сидѣла въ своей спальнѣ. Но вмѣсто того, чтобы заниматься, она смотрѣла на фотографію, которую вынула изъ стола. На карточкѣ былъ изображенъ очень суровый и рѣшительный, смугловатый молодой человекъ.

По его словамъ, онъ снялся такимъ суровымъ и рѣшительнымъ, чтобы показать, какъ твердо онъ рѣшилъ добыть достаточную сумму денегъ, чтобы жениться на Анѣ.

Аня запечатлѣла легкій поцѣлуй на карточкѣ и, вздохнувши, принялась за работу. Работа, однако, не спорилась. Она взялась за недоконченное письмо.

„О, Поль, папа и полковникъ не успокаиваются. Они продолжаютъ шумѣть, и папа злится на него болѣе, чѣмъ когда либо. Конечно, ты также включенъ въ число враговъ. Если бы онъ только зналъ, что мы пишемъ другъ

другу и что ничто не может насъ разлучить. (Далѣ слѣдуетъ много строчекъ, не интересныхъ для не состоящихъ въ числѣ избранныхъ Ани). „Но новое предпріятіе должно, я положительно увѣрена въ этомъ, удасться. Гвоздевъ профессиональ и практикъ, ты отъ него приобрѣтешь знанія, необходимые для жизни, и если будешь прилеженъ, то, въ скоромъ времени, сдѣлаешься дѣльцемъ лучшимъ, чѣмъ кто либо другой. Правда ли, что полковникъ далъ тебѣ срокъ образумиться до конца слѣдующаго мѣсяца, и рѣшилъ не давать тебѣ до этого ни копѣйки? (Опять письмо на довольно большомъ пространствѣ дѣлается для насъ неинтереснымъ). Вскорѣ Аня подписала его, прибавила нѣсколько странныхъ іероглифовъ, вложила его между большими, официально выглядѣвшими листами и заклеила въ конвертъ.

* * *

Всеволодъ Іосифовичъ топалъ ногами. „Я протестую, г-нъ предсѣдатель, я категорически протестую!“ Его голосъ былъ высокъ и громокъ, но П-ское Земское Собраніе уже примѣнилось къ г. Наркевичу. Нѣкоторые изъ слушателей выглядѣли утомленными, а другіе, откинувшись на спинки стульевъ, безцеремонно улыбались, съ выраженіемъ говорившимъ: „Ну вотъ, теперъ мы немного позабавимся!“

„Вопросъ объ устройствѣ показательныхъ раціональныхъ свиныхъ хлѣвцовъ,— наступалъ г-нъ Наркевичъ,— это дѣло общественное и важное. Мы должны серьезно на немъ остановиться. Мнѣніе полковника Кудренко о снятіи съ обсуждения этого вопроса, какъ курьезнаго, должно быть отнесено къ курьезамъ предыдущаго оратора. Впрочемъ, чего можно ожидать культурнаго отъ человѣка, образовавшагося въ кавалерійской казармѣ? Совсѣмъ другое дѣло, если бы вопросъ шелъ объ устройствѣ случныхъ конскихъ пунктовъ, тогда полковникъ Кудренко заговорилъ бы по иному“.

Полковникъ уже стоялъ на ногахъ, его лицо не уступало по краснотѣ таковому же — Наркевичу. Прерывающійся голосъ, съ силою нѣсколькихъ сотъ

фунтовъ на квадратный дюймъ, вырвался изъ его горла: „Замолчите, г. Наркевичъ, замолчите! Я не намѣренъ далѣе терпѣть подобныя выходки съ Вашей стороны! Не сомнѣваюсь, что въ свиньяхъ, г-нъ Наркевичъ, и въ ихъ жилищахъ, Вы авторитетъ,—дѣйствительно, величайшій авторитетъ, но!“...

„Господа, господа!“ прервалъ строго предсѣдатель и стукнулъ по столу. „Такія, выходки болѣе недопустимы. Я долженъ Васъ обоихъ просить немедленно сѣсть — немедленно господа!“

Нехотя, тяжело дыша и сверкая глазами, оба бойца опустили на свои мѣста...

* * *

Наконецъ, поздно вечеромъ, дошла очередь и до разсмотрѣнія проекта здания новой Земской Управы.

„Итакъ—сказалъ предсѣдатель—технической отдѣлъ изъ представленныхъ проектовъ остановился на 2-хъ. Одинъ солидный, быть можетъ, болѣе удобный, но менѣе художественный, представленъ нашимъ городскимъ архитекторомъ Павловичемъ, а другой — модернизованный стиль, болѣе легкая и изящная постройка, принадлежитъ никому неизвѣстному новому товариществу „Строительный прогрессъ“.

„Я стою за второй“, произнесъ Всеволодъ Іосифовичъ, „зданіе будетъ украшеніемъ города. Проектъ оригиналенъ. Правдафирма „Строительный Прогрессъ“ для насъ совершенно новая, но участіе, по слухамъ, въ ней практика-подрядчика Гвоздева служить для нея прекрасной рекомендаціей“.

Тотчасъ же полковникъ Кудренко попросилъ слова.

„Чего Вы хотите отъ этой модернизованной дряни?“ вскричалъ онъ громко, „Это нашему городу совсѣмъ не подходитъ, намъ необходимо солидное, кирпичное, четырехугольное, внушительное зданіе, въ которомъ удобно было бы работать. А фирма? Уже по одному наименованію „Строительный Прогрессъ“, можно сказать, что она не представляетъ ничего серьезнаго и состоитъ изъ голоштанниковъ. Нѣкоторые гласные желали бы тратить общественныя деньги на всякія вздорныя затѣи, если ихъ поманить словомъ „про-

грессъ!“ При послѣднихъ словахъ полковникъ бросилъ сверкающій взглядъ по направленію Всеволода Юсифовича.

Наркевичъ не преминулъ тотчасъ же выступить на сцену.

„Конечно, г-да гласные—сказалъ онъ съ убійственнымъ сарказмомъ и съ трудомъ сдерживаясь,—люди, неимѣющія понятія объ искусствѣ и красотѣ поддерживать проектъ четырехугольнаго ящика и на долгіе годы заставить любоваться жителей поставленнымъ на бокъ ящикомъ изъ подъ сахара съ шишкой наверху, который будетъ именоваться N-ской Уѣздной Земской Управой. Только отъ того, что проектъ исходитъ отъ молодой фирмы, заскоружные, старые скряги непременно станутъ на пути прогресса и будутъ идти противъ. Правда—продолжалъ онъ—существуютъ типы, которые имѣютъ старыхъ друзей и не прочь предоставить своему человѣчку дѣльце, чтобы“...

„Что? Что?!“ Бомба большой силы разорвалась въ залѣ засѣданія и эта бомба былъ полковникъ Кудренко.

„Г-нъ предсѣдатель, возопилъ онъ, только исключительный бездѣльникъ можетъ такимъ образомъ оскорблять гласнаго! Я взываю къ Вамъ!“

Нѣтъ словъ описать сцену, которая послѣдовала за этимъ.

Гласнымъ еле-еле удалось нѣсколько успокоить расхолодившихся противниковъ.

Кончилось тѣмъ, что предсѣдатель приказалъ удалиться обоимъ гласнымъ.

„Вы больше не будете сюда допущены—сказалъ онъ сердито и рѣзко—пока не извинитесь передо мной и другъ передъ другомъ“.

Полковникъ и Всеволодъ Юсифовичъ удалились изъ собранія.

„Ну, какъ, дорогой?“ спросила m-me Наркевичъ, привѣтливо встрѣчая мужа въ дверяхъ. „Чай готовъ и ждетъ тебя. Засѣданіе было удачно?“

„Удачное засѣданіе!“ проревѣлъ Наркевичъ.

„Удачное!“

Для г-жи Наркевичъ это былъ неудачный день.

* * *

Черезъ два дня послѣ описанныхъ событій Аня рано утромъ вышла на улицу. Прохожіе съ удовольствіемъ бросали ей вслѣдъ свои восхищенные

взгляды. Ясная весенняя свѣжесть была разлита у нея по лицу, походка воздушна, а глаза радостно блестѣли. Никто не могъ бы сказать, что наканунѣ Аня засидѣлась до поздней ночи за перепиской на машинкѣ какихъ то бумагъ.

Дойдя до почты, она бросила быстрый взглядъ направо и налево, вынула толстый, тяжелый пакетъ и такъ быстро опустила его въ ящикъ, что даже Шерлокъ Холмсъ не усмотрѣлъ бы на немъ надписи „Павлу Константиновичу Кудренко“.

* * *

„Я извиняюсь передъ Вами, г-нъ Предсѣдатель“. Голосъ Всеволода Юсифовича былъ жестокъ, свирѣпъ, но вѣжливъ. „Я беру обратно мои выраженія, порочащія честь полковника Кудренко и извиняюсь передъ нимъ“.

Когда онъ сѣлъ, поднялся подобно ледяной сосулькѣ полковникъ. „Я извиняюсь за свои выраженія какъ передъ Вами, г-нъ Предсѣдатель, такъ и передъ г-номъ Наркевичемъ“.

Извиненія были приняты и оба гласные снова были допущены къ участию въ засѣданіяхъ.

„А теперь, Степанъ Ивановичъ,—произнесъ Предсѣдатель, обращаясь къ завѣдывающему техническимъ отдѣломъ управы Росневичу,—доложите намъ переданный Вамъ вчера для ознакомленія отвѣтъ фирмы „Строительный Прогрессъ“, на нашъ дополнительный запросъ, сдѣланный по постановленію собранія“.

Хотя Росневичъ и не успѣлъ ознакомиться съ отвѣтомъ фирмы, т. к. наканунѣ прямо изъ собранія отправился на ужинъ, устроенный для нѣкоторыхъ гласныхъ членомъ управы Масловымъ, желавшимъ быть вновь переизбраннымъ, и хотя голова Степана Ивановича нестерпимо болѣла, по причинѣ затянувшейся попойки, тѣмъ не менѣе онъ не уклонился отъ доклада.

Вынувъ изъ пакета бумаги, онъ началъ не торопясь читать отвѣтъ фирмы, на рядъ поставленныхъ ей для выясненія деталей постройки вопросовъ, по долгу останавливаясь на каждомъ пунктѣ и съ трудомъ соображая написанное.

Покончивъ со второй страницей пунктомъ: кирпичъ мы будемъ изготовлять въ имѣннн „Нивки“, извѣстномъ отмѣнными качествами глины, гдѣ нами для этой цѣли заарендованъ заводъ“. Росневичъ перешелъ къ вкладному листу.

„Милый...“ прочелъ онъ „Мой... мой милый“ повторилъ Степанъ Ивановичъ, запинаясь и не вѣря своимъ глазамъ.

Гласные насторожились. „Что такое?“ освѣдомился предсѣдатель, улыбаясь.

Росневичъ уставился на страницу съ такимъ видомъ, какъ будто глаза ему измѣняются.

„Милый“ произнесъ онъ, какъ во снѣ,—какое блаженство было бы“.

„Что это за безмыслица? Что Вы такое читаете!“ вскричалъ шокированный и удивленный Наркевичъ.

Росневичъ, глаза котораго пробѣгали написанное, бросилъ на Наркевича странный, быстрый и прищуренный взглядъ, и уставился опять въ изумленнн на письмо.

„Г-нъ предсѣдатель“, сказалъ онъ, „мнѣ кажется, что это... это частное письмо одному изъ участниковъ фирмы и оставлено здѣсь по ошибкѣ — подпись Наркевичъ. Можетъ быть, это письмо Вы просмотрѣли бы лично?“

Но полковникъ, сія радостнымъ подозрѣніемъ, въ одну секунду былъ на ногахъ. „Г-нъ Предсѣдатель, я протестую. Ничего не должно быть скрыто. Кто знаетъ, насколько скандально можетъ быть это письмо? Мы, какъ общественные дѣятели, интересамъ которыхъ угрожаютъ, имѣемъ право знать его. Это письмо очевидно откроетъ намъ глаза, и я...“

„Читайте его, Степанъ Ивановичъ“, сказалъ предсѣдатель и Росневичъ прочиталъ—„Мой милый, какое было бы блаженство провести вмѣстѣ часъ или два въ субботу, чтобы обо всемъ переговорить. Это хорошо написано и, вѣроятно, удовлетворитъ собраніе. Я надѣюсь, что контрактъ пройдетъ, я даже убѣждена въ этомъ. Отецъ дѣлаетъ все возможное, чтобы приняли вашъ проектъ и, конечно, никто, даже во снѣ, не заподозритъ его въ желаннн провести Ваше предложеніе. Собраніе просто

должно будетъ принять его. Дорогой — (языкъ Росневича замялся), какъ хорошо, что ты взялся за это дѣло, а за нимъ пойдутъ еще и еще и тогда мы сможемъ, какъ ты говорилъ, пожениться. Вотъ удивится полковникъ, когда узнаетъ, что ты надсмѣялся надъ его угрозами и женился на любящей тебя Анѣ“.

Р. С. „Ради Бога, дорогой, напоминаю, вынь это письмо изъ документовъ, прежде, чѣмъ пошлешь ихъ въ Управу. Наркевичъ“.

Мертвое молчаніе царило въ залѣ засѣданія. Всѣ глаза были устремлены на полковника и Всеволода Юсифовича. Оба они были багровые и, тяжело дыша, сидѣли, какъ приросшіе къ своимъ кресламъ.

Предсѣдатель произнесъ: „Я боюсь, г. Наркевичъ, что это ставитъ васъ въ нѣсколько неудобное положеніе. Вы все время утверждали, что совершенно не знаете этой фирмы. Вы стараетесь провести контрактъ. Вы...“

Внезапно Наркевичъ вскочилъ, дико жестикулируя. „Вы допускаете? взревѣлъ онъ.—Вы допускаете, хотя-бы на одну минуту, что я могъ принимать участіе въ этой мерзкой аферѣ! Вы допускаете?...“

Полковникъ также былъ уже на ногахъ и, указывая пальцемъ на пурпуроваго Наркевича, кричалъ: „Это Вы все состряпали. Вы, злобный, старый интриганъ! Вы хотѣли, чтобы мой племянникъ скрываясь подъ анонимной фирмой, подзаработалъ денегъ, а потомъ женился на Вашей дочери, несмотря на мое запрещеніе!“

„Я хотѣлъ выдать свою дочь за вашего щенка, недоучку племянника?! Какъ, какъ...“ Наркевичъ былъ близокъ къ апоплексіи.

„Молчаніе господа!—вскричалъ предсѣдатель. Здѣсь не мѣсто для частныхъ препирательствъ. Я долженъ просить г. Наркевича разъяснить ...“

Но онъ былъ перебитъ Росневичемъ. „Простите—сказалъ послѣднн.— Я только что перевернулъ письмо и тамъ еще есть слѣдующая приписка: „Вотъ произвело бы фуроръ, если бы папа только зналъ, что фирма, которую онъ такъ горячо поддерживаетъ, принадлежитъ въ одной трети тебѣ! Бѣдный папа. Правда грѣшно смѣяться,—но это такой

счастливый случай для насъ, что онъ всталъ на этотъ путь—О, если бы онъ только зналъ! А полковникъ, воюющій противъ своего собственнаго племянника, самъ этого не подозрѣвая, только изъ противорѣчія папѣ. Дѣйствительно, они оба комичны“.

Вторая пауза воцарилась въ залѣ засѣданія. „Ага!—произнесъ тогда председатель.—Это бросаетъ совсѣмъ другой свѣтъ на дѣло“.

Тяжелая атмосфера разсѣялась. Всѣ задыхались въ раскатахъ смѣха.

Всеволодъ Юсифовичъ всталъ и, невнятнымъ голосомъ пробормотавъ: „Я уступаю“, направился къ дверямъ.

Полковникъ, съ грохотомъ отодвинувъ свой стулъ и прорывавъ: „Я уступаю также!“ послѣдовалъ примѣру обезкураженнаго Наркевича.

„А теперь,—сказалъ председатель, вытирая слезы,—мы можемъ безпристрастно и безъ споровъ рассмотреть проекты зданія новой Управы“.

Въ результатъ, предпочтеніе было отдано проекту молодой фирмы и съ нею былъ заключенъ контрактъ на постройку.

**

Аня сидѣла въ бесѣдкѣ и руки молодого человѣка обнимали ее. „О, Поль, это ужасно, что мое глупое письмо читали вслухъ на собраніи!“

„Я въ отчаяніи, моя дорогая. Это было непростительной небрежностью съ моей стороны, но все-таки, въ концѣ концовъ,—привело къ счастью.“

**

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ на главной улицѣ Н-ска царило небывалое оживленіе, а православный соборъ не могъ вмѣстить всѣхъ желающихъ попасть въ него.

Происходило вѣнчаніе Павла Кудренко съ Аней Наркевичъ. Весь городъ, казалось, высыпалъ на улицу. Это была самая популярная свадьба въ городѣ, т. к. публика знала подробно обстоятельства, предшествующія свадьбѣ.

В. Нѣмковскій.

Параллель.

Ликуетъ римскій циркъ, сегодня пышный праздникъ...

Десятокъ христіанъ бросаютъ въ пищу львамъ.

Неронъ самъ въ пурпуръ, властительный проказникъ,

Смѣется отъ души, въ кругу придворныхъ дамъ.

* * *

Такъ было на зарѣ святой Христовой вѣры,

А нынѣ кровью весь забрызганъ Божій тронъ,

Милльоны христіанъ казнили изуверы,

И Мірѣ еще живетъ, смѣясь, какъ самъ Неронъ!

Н. Н Карповъ.

Коллонтай.

Прославившаяся на весь міръ курьезами „новой половой морали“, совѣтская „послица“ въ Стокгольмѣ и нынѣ въ Персіи, супруга пресловутаго оберъ-кляшника Дыбенко, сильно подержанная красная Мессалина — Коллонтай, какъ оказывается, давно отличалась особымъ пристрастіемъ къ альковной карьерѣ именно по Морскому Вѣдомству.

Правда, это было давно, лѣтъ 20 тому назадъ, когда ея прелести могли еще находить своихъ поклонниковъ изъ среды флотскихъ министровъ, а не гориллообразныхъ баталеровъ изъ пропахшаго всѣми кухонными ароматами камбуза *).

Вотъ что пишетъ о ней очевидецъ и свидѣтель, капитанъ II-го ранга С., лично встрѣчавшійся съ пресловутой Мессалиной въ дни ея юности и теперь, 20 лѣтъ спустя.

...Въ маѣ 1898 года, въ чудный весенній день, изъ морского корпуса вышла группа молодыхъ людей, съ иголки одѣтыхъ въ новые мундиры и шинели.

Во главѣ съ директоромъ корпуса, милѣйшимъ адмираломъ А. Х. Кригеромъ, — молодые кадеты размѣстились на блестящихъ отъ свѣжаго лака экипажахъ и поѣхали за коляской директора въ главное адмиралтейство — представляться управляющему морскимъ министерствомъ ген.-адъютанту П. П. Тыртову.

Мы были только что приняты въ младшій спеціальный классъ морского корпуса, и должны были послужить первымъ усиленнымъ выпускомъ въ офицерскій составъ флота, на постройку котораго Государемъ Императоромъ было отпущено 90 милліоновъ.

Радостные, веселые, мы ѣхали по

ровнымъ торцамъ Англійской набережной и смотрѣли, какъ Мѣдный Всадникъ гордо взиралъ на свое твореніе.

У подъѣзда министерской квартиры стоялъ бравый городовой, лихо отковырявшій адмиралу.

Верховный Главнокомандующій Россійскими Арміями
въ Міровую войну

Великій Князь Николай Николаевичъ
(по послѣдней фотографіи).

Какъ извѣстно, на Парижскомъ совѣщаніи членовъ Дома Романовыхъ признанъ Главою Императорской фамилии.

Въ оградѣ полисадниковъ два садовника въ коричневыхъ костюмахъ сажали цвѣты.

Старичекъ швейцаръ, увѣшанный крестами и медалями, помогъ намъ снять шинели, и по широкой лѣстницѣ, устланной ковромъ цвѣта морской воды, —

*) Кухня на судахъ.

мы поднялись во второй этаж великолѣпнаго вестибюля.

У дверей пріемной стояли, какъ вкопанные, два рослыхъ часовыхъ отъ экипажа Гвардіи, беззвучно взявшихъ по ефрейторски на караулъ при появленіи адмирала.

Съ диванчиковъ краснаго бархата вскочили курьеры, и Морозовъ, любимый курьеръ и егеръ всѣхъ министровъ, распахнулъ настежь двери почтительно докладывая:

вами открыта дорога къ чести, почету и славѣ. Учитесь, трудитесь, любите флотъ, какъ мы это дѣлали и какъ мы его любили... Отъ васъ самихъ зависить все, а благодарная Родина васъ не забудетъ и воздастъ по заслугамъ“...

Въ это время двери министерскаго кабинета отворились и любимый адъютантъ министра, капитанъ Бутаковъ, командовалъ — „стройтесь, стройтесь, господа“.

Мы быстро оправляемъ другъ дру-

Общій видъ Гапсальской радіо-станціи.

— Пожалте, пожалте, сейчасъ его превосходительство васъ изволятъ принять...

Со стѣнъ пріемной на насъ смотрѣли два вѣка сѣдой старины...

Всѣ Генералъ-Адмиралы, Министры, Управляющіе Министерствомъ, начиная со Свѣтлѣйшаго Меньшикова, казалось говорили намъ:

— „Ну вотъ, молодые люди, передъ

га — налѣво — и мы уже въ кабинетѣ управляющаго.

Великолѣпныя модели судовъ русскаго флота, блестящія какъ игрушки, окружаютъ насъ. Прямо у окна огромный столъ съ чертежами. Передъ каминомъ кресла, груда старыхъ вражескихъ снарядовъ, двѣ ярко сверкающія мѣдью пушонки.

Въ глубинѣ — большой столъ министра глаголемъ и за нимъ вдоль стѣны

высокіе книжные шкафы съ знаменитой министерской библіотекой.

Одна изъ дверецъ шкафа—потайная и ведетъ въ личныя комнаты министра.

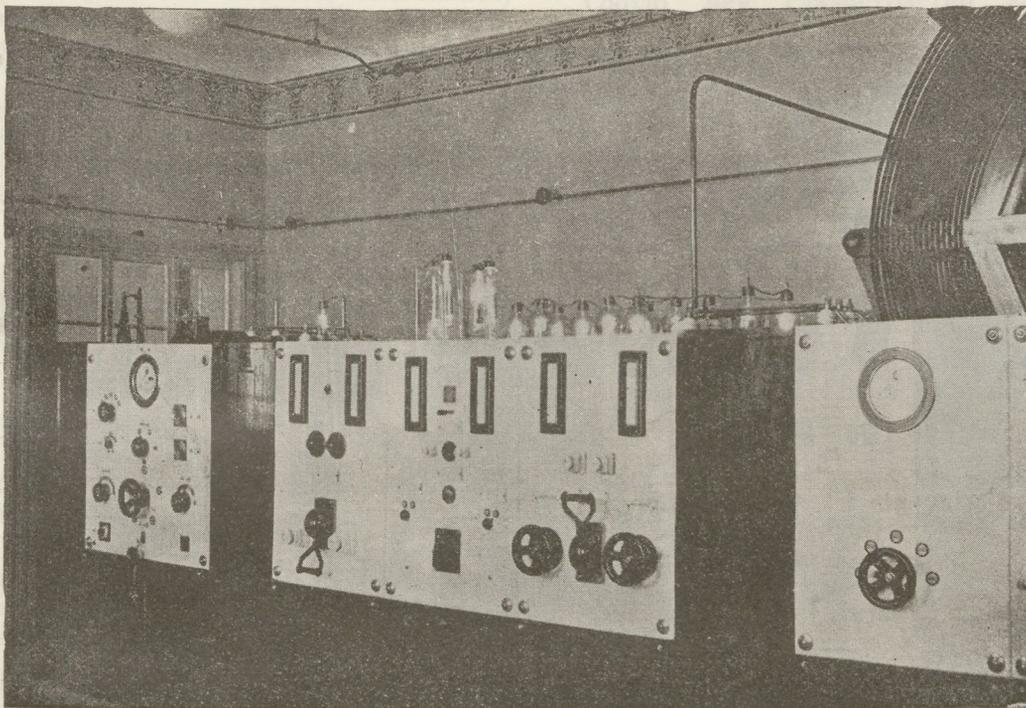
Изъ за стола поднимается коротко остриженный съ сѣдой бородкой адмиралъ, въ растегнутой тужуркѣ, изъ подъ которой виденъ бѣлоснѣжный жилетъ. На шеѣ блеститъ крупный Владимиръ.

Не спѣша адмиралъ подходитъ, привѣтливо смотритъ на насъ и не громко здоровается.

Въ этотъ моментъ потайная дверь библіотеки въ глубинѣ кабинета открывается и въ комнату влетаетъ очаровательная молодая женщина—Нелли Ивановна—въ свѣтломъ капотѣ, элегантно въ синемъ тайерѣ, и на англійскихъ каблучкахъ...

Увидавъ сцену—она вскрикиваетъ—Ахъ!.. и дверцы шкафа быстро захлопываются...

Министръ, добродушно сдвинувъ брови,—обращается къ директору:

Помѣщеніе аппаратовъ гапсальской радіо-станции.

Гулъ въ потолкѣ заглушаетъ нашъ стройный отвѣтъ—зеркала отражаютъ молодыя и веселыя лица.

— „Я радъ, господа, что вижу васъ и что вамъ выпала честь быть первымъ усиленнымъ выпускомъ офицеровъ, которые такъ намъ нужны для строящагося Флота.“

Старайтесь, учитесь и три года корпуса пройдутъ незамѣтно.

Я счастливъ былъ услышать отъ вашего директора о чувствахъ къ Государю Императору, кои васъ охватили при вступленіи въ нашу морскую... семью“.

— „Вотъ всегда такъ Нелли Ивановна... не спросить—и попадается“...

— „И вотъ, господа, сегодня я буду счастливъ доложить о васъ и о вашихъ вѣрноподданническихъ чувствахъ Его Величеству...“

Счастливаго плаванія, полюбите и гордитесь нашимъ Андреевскимъ Флагомъ и пусть онъ подъ Вашимъ скорымъ командованіемъ будетъ также доблестно развиваться, какъ развивался два вѣка...

Благодарю васъ, господа, и до свиданія“...

Счастливые, веселые и молодые—мы спускаемся по чудному блѣдно зелено-

му коври, желаемъ „счастливо оставаться“ директору и спѣшимъ на поплавокъ у Адмиралтейства тайкомъ вспрыснуть первый приѣмъ у Морского Министра.

Черезъ нѣсколько шаговъ насъ нагоняетъ великолѣпный экипажъ.

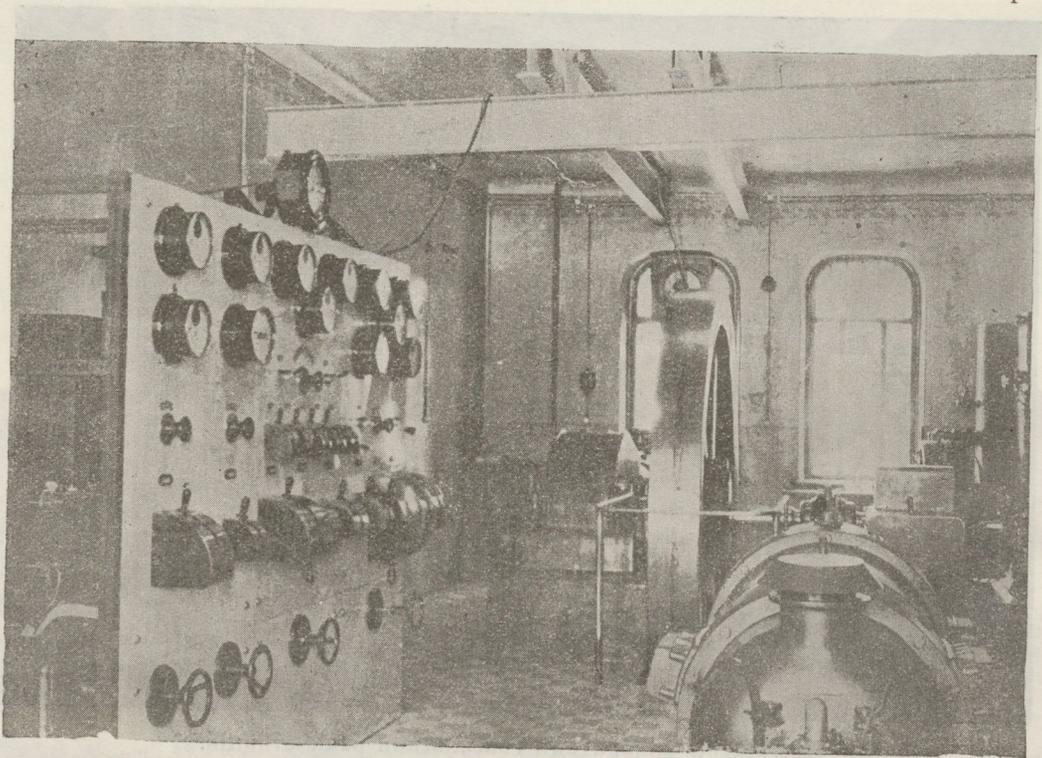
Пузатый съ бородой вѣеромъ кучеръ еле сдерживаетъ сѣрыхъ въ яблокахъ рысаковъ.

Въ собственной коляскѣ сидитъ благообразный генераль-адъютантъ съ сигарой и рядомъ съ нимъ та очаровательная женщина, которая такъ неосторожно впорхнула въ кабинетъ.

со вѣемъ угнетеннымъ старцемъ, — мы бывшіе начальники управлений и частей Моркома идемъ по вызову къ председателю морской коллегіи — „товарищу“ Дыбенко.

Мы только что распущены, вслѣдствіи упраздненія царскаго „проклятаго“ флота, суда котораго готовятся быть разобранными нѣмцами.

Грустные, скучные, мы идемъ по вывороченнымъ торцамъ Набережной Краснаго Флота и смотримъ, какъ Бѣдный Всадникъ кисло смотритъ на украденныя бронзовыя буквы безсмертной

Машинное отдѣленіе Гапсальской радіо-станціи.

Экипажъ повернулъ направо—Морской Министръ поѣхалъ завтракать на острова...

II.

Въ маѣ 1918 года,—ровно двадцать лѣтъ спустя, въ скверный весенній день изъ подворотень бывшаго Главнаго Адмиралтейства высыпала группа людей неопредѣленнаго возраста, чертъ знаетъ и кое какъ одѣтыхъ въ остатки прежняго величія...

Во главѣ съ бывшимъ Предсѣдателемъ бывшаго Адмиралтействъ Совѣта,

надписи — „Петру Первому — Екатерина Вторая“.

У подъѣзда бывшей министерской квартиры стоитъ застрявшая въ ужасной грязи ассенизаціонная бочка.

Въ оградѣ полисадниковъ, гдѣ когда то сажали цвѣты — два индивидуума въ морской формѣ отправляютъ естественныя надобности.

Никакого старичка швейцара нѣтъ. Пальто мы не снимаемъ — послѣднее украдутъ — и такъ и премъ на верхъ по широко заплетанной и оподсолоченной лѣстницѣ.

У дверей на рваныхъ краснаго бархата диванчикахъ лежать вооруженные до зубовъ всѣми видами оружій „товарищи“ и сплевываютъ на стѣнки.

Тотъ же курьеръ Морозовъ, уже старый, полуслѣпой, не говоря ни слова машетъ рукой на приемную... проходите... проходите... теперь у насъ свободно...

Со стѣнъ приемной на насъ смотрятъ тѣ же два вѣка сѣдой старины плось двадцать лѣтъ...

Тѣ же Генераль-Адмиралы, Министры, Управляющіе — но всѣ они покосились, отвернулись, а нѣкоторыхъ въ старыхъ дорогихъ рамахъ и вовсе нѣтъ...

Въ это время двери на одной петлѣ отворяются и мы гурьбой въ „кабинетъ“.

Отъ прежняго великолѣпія — даже воспоминаній нѣтъ...

Все украдено, растащено, загажено... На столѣ для чертежей — бѣлый хлѣбъ и огурцы... Въ каминѣ груды пустыхъ бутылокъ...

Только потайная дверь по прежнему на мѣстѣ — въ личныя комнаты товарища Дыбенки...

Изъ за стола поднимается странное существо въ женскомъ свитерѣ френчъ-керенскаго образа.

Нечесанная голова съ копной, борода — морда самая хамская и разбойничья — настоящий товарищ баталеръ изъ Кронштадтскаго полужипажа.

Это — Дыбенко.

Онъ подходитъ, разваливаясь, какъ медвѣдь, въ сопровожденіи какихъ то пристегъ въ синихъ кителяхъ съ чужого плеча и черныхъ глухихъ рубашкахъ.

— „Ну съ, товарищи хотя мы объявили флотъ распущеннымъ, но это только для видимости — больше никакихъ значить... Всѣ должны оставаться на мѣстахъ. Рабочее правительство тово, значитъ, чтобы завсегда на готовѣ. Все ерунда значить, флотъ безпремѣнно нуженъ, и даже сильнѣе, значить... Кому что ли жить негдѣ — позаботимся о васъ, квартиры найдемъ, Никольскій соборъ живо

въ два этажа отстроимъ, дворцы отдадимъ — а только флотъ намъ нуженъ сильнѣе прежняго... Никакъ нельзя, значить, безъ того самаго флота, значить, а которые... ежели...“

Въ этотъ моментъ потайная дверь библиотеки въ глубинѣ кабинета открывается и въ комнату вливается отвратительная старая женщина — товарищъ Коллонтай — подруга вѣрная Дыбенки...

Она въ калошахъ Треугольникъ съ барашковой отдѣлкой, заячьей облѣзлой шубейкѣ и съ портфелемъ подъ мышкой.

Около нея сладострастно вьется бритый а ля Керенскій, секретарь коллегіи, воръ, хапунъ, штрафованный матросъ Марулинъ, другъ Дыбенки и любовникъ Коллонтай.

Увидѣвъ толпу — она претъ съ наглымъ видомъ къ Дыбенкѣ, беретъ его подъ руку и въ сопровожденіи всей воровской шайки — удаляется во внутренніе апартаменты.

Мы стоимъ и не ждемъ продолженія рѣчи, отлично зная, что слѣдуетъ за „...а которые... ежели...“

Несчастные, забытые и старые — мы стоимъ еще немного, пока бѣдный Морозовъ, опухшій съ голоду, не говоритъ: — И чего стоите... мусью нашъ — айда съ пташкой... — кушать уѣхали...

— Мы спускаемся по плевкамъ и и окуркамъ и идемъ ѣсть совѣтскую бурду.

Черезъ нѣсколько шаговъ насъ обгоняетъ великолѣпный Ролльсъ Рейсъ, бывшій Государыни Императрицы, весь отдѣланный чистымъ серебромъ.

Тотъ же царскій шоферъ съ пушистыми усами сидитъ за рулемъ.

Въ моторѣ развалилось хамское отродье съ козьею ножкой во рту и къ нему жметъ „товарищъ“ Коллонтай, — нынѣшній полномочный министръ Совдепи въ Персіи.

Моторъ повернулъ налево — товарищъ Дыбенко поѣхалъ завтракать въ Смольный.

Капитанъ II-го ранга С.

Изъ исторіи русской общественности въ Эстоніи.

Для правильной оцѣнки событій нужны годы.

Такъ, даже лучу солнца, проходящему 300 тысячъ верстъ въ секунду, нужно 8 минутъ, чтобы черезъ холодное и пустое міровое пространство дойти до нашей тяжелой земли.

Исторія многострадальной сѣверо-западной арміи, созданной изъ ничего, выросшей на протяженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ съ ноября 1918 года изъ насѣхъ сколоченныхъ первыхъ малочисленныхъ формированій Сѣвернаго Корпуса въ грозную силу, едва не взявшую Петроградъ, — эта героическая эпопея пока еще не написана.

Изъ вышедшихъ до сего времени трудовъ только развѣ книга генерала Родзянко, тоже въ извѣстномъ смыслѣ односторонне личная, даетъ къ событіямъ 1919 года подъ Петроградомъ близкій русскому сердцу подходъ.

Сердцу, однако, но не уму.

Книги же Б. Дюшена, нынѣ открытаго большевика, и двусмысленнаго „плекхановца“ г-на В. Горна, социалистическаго министра печальной памяти сѣверо-западнаго правительства, — не болѣе чѣмъ шаблонныя произведенія разлагательской лѣво-партиной „литературы“.

Пера и отклика дѣятелей, принимавшихъ непосредственное участіе въ событіяхъ политической и военной борьбы подъ Петроградомъ, ждетъ неотложная тема:

— Какъ небольшая группа русскихъ общественныхъ и военныхъ дѣятелей, силою событій очутившаяся на территоріи Эстоніи, безъ денегъ, почти безъ поддержки извнѣ, опираясь на мѣстныя возможности и силы, съумѣла заложить первыя основы организациі похода на Петроградъ — гигантскаго предпріятія, вполнѣ проваленаго и погубленаго не знавшими мѣстной обстановки пріѣзжими гастролерами.

Изъ оказавшихся въ нашемъ распоряженіи документовъ публикуемъ первый:

— Резолюцію отъ 1—2 февраля 1919 года, Временнаго Русскаго Совѣта т. е. общественнаго центра, объединявшаго всѣ живыя силы кореннаго и пришлаго мѣстнаго русскаго населенія.

Этой резолюціей впервые признана была самостоятельность Эстоніи и поставлены были впервые конкретныя и ясныя цѣли, развитіе которыхъ привело къ возникновенію сѣверо-западнаго правительства и организациі похода на Петроградъ.

*

Протоколъ № 2.

Засѣданіе Русскаго Временнаго Совѣта отъ 1—2 февраля 1919 года.

Засѣданіе открыто въ 4 часа дня, присутствовали: (идутъ фамиліи мѣстныхъ общественныхъ дѣятелей), а также особо приглашенные представители Сѣвернаго Корпуса, флота, отряда полк. Балаховича и т. д.

Заслушавъ докладъ о политическомъ и военномъ положеніи сѣверо-западной Россіи и признавая необходимымъ созданіе особаго политическаго центра въ Эстоніи, связаннаго и дѣйствующаго солидарно съ другими Россійскими временными правительствами, Русскій Совѣтъ заявляетъ, что по его мнѣнію для успѣха дѣятельности этого центра существенно необходимы слѣдующія условія:

1) Твердая власть при единомъ военномъ командованіи должна работать въ полномъ единеніи съ общественными силами, возглавляемыми Русскимъ Совѣтомъ.

2) Дѣйствія всѣхъ органовъ новой власти, военной и гражданской, должны исходить изъ единой политической основы.

3) Этой единой, политической основой должны являться принципы, оглашенные адмираломъ Колчакомъ въ радіо-телеграммѣ Россійскому послу Гулькевичу, каковыя находятся въ отвѣтствіи съ принципами, провозглашенными Ллойд-Джорджемъ и Вильсономъ.

4) Въ соотвѣтствіи съ этими принципами и при создавшемся положеніи Русскій Совѣтъ принципиально признаетъ за Эстонскимъ народомъ право на самоопредѣленіе.

5) Политическимъ центромъ должна быть немедленно выработана и заключена военная конвенція съ ближайшими противниками большевиковъ, нынѣ дѣйствующими противъ послѣднихъ.

6) Всѣ русскія общественныя силы должны принять на себя посильное фи-

нансированіе русской власти и дѣятельное участіе въ наилучшемъ использованіи ея кредитоспособности.

Этотъ документъ, имѣющій въ настоящее время, послѣ признанія Эстоніи de jure великими державами, лишь историческое значеніе, важенъ, какъ доказательство того неустраимаго факта, что признаніе и поддержка самостоятельности окраинныхъ госудаствъ властно диктуется русскимъ національнымъ и противобольшевитскимъ цѣлямъ всею совокупностью сложившейся обстановки.

Александръ Черниговскій.

Ардаліонъ.

Пасха. Апрѣль. Бугры подсохли и на припекѣ ершится молодая трава. Небо синее, синее и по небу летятъ гуси.

Ардаліонъ лежитъ на крутомъ берегу „Быстрицы“ и гнусаво тянетъ какую-то пѣсенку.

Ардаліонъ коренастый мужикъ „подъ сорокъ“, лохматый. Борода у Ардаліона большущая, не расчесанная. Лѣнивъ Ардаліонъ, какъ вся округа. На все наплевать.

Ардаліону далеко видна окрестность. Вонь—Ложинскій лугъ, мужицкія пахоты, а на право село съ голубой церковью „Казанской Богородицы“, за церковью Скрягинскіе лѣса, туда и „Быстрица“ убѣгаетъ. А лѣвѣе, низинной, пошли болота. Днемъ болота коричневая, а по ночамъ черны и гуляютъ по нимъ голубые огни, плачутъ кикиморы и кричатъ выпь. По этимъ болотамъ ночью никому не пройти.

Въ болотахъ, извилистой лентой синѣетъ рѣка.

Ардаліону тепло на припекѣ и пріятно, что нѣтъ никого и что отъ села гудитъ колоколомъ.

— Должно, на колокольнѣ Панкратъ..., лѣнливо думаетъ Ардаліонъ. Панкрату и быть! Накомиссарилъ, нагозилъ, и за умъ взялся.

Вспомнилъ его Ардаліонъ и ухмыльнулся:

— Сусѣди!...

А подъ ногами шумитъ „Быстрица“. Пронесла ледъ и мчитъ мутныя воды. Крутитъ и пѣну и щебень и отъ размытыхъ болотъ несетъ прошлогоднюю траву. Мѣстами дрожитъ словно жидкое золото, на солнцѣ серебрится, а въ глубинахъ, въ водоемахъ,—черная и страшная.

Прошлымъ половодьемъ въ „Быстрицѣ“ утонулъ Максимъ. Въ пьяномъ видѣ хотѣлъ научиться плавать, да и бултыхъ въ воду. Ну и пошелъ ко дну. Раньше-бы по этому дѣлу становой пріѣхалъ, а теперь—наплевать! Тони кто хочешь!

Вспомнилъ Ардаліонъ станового: маленькій, рыжий, съ веснушками на носу, что лиса.

— Василій Ильичъ! Крутой человекъ! сказалъ вслухъ Ардаліонъ и еще что-то хотѣлъ сказать, да лѣнь стало, разморило на солнцѣ.

Свернулъ „Козью ножку“, закурилъ и сплюнулъ въ „Быстрицу“. Закружился плевокъ въ мутной водѣ и исчезъ.

— Чортъ съ нимъ!..

Ни говорить, ни думать Ардаліону не хочется. Такъ-бы весь и растаялъ и превратился-бы въ синее небо.

Вспомнилъ Ардаліонъ, какъ комиссарилъ Панкратъ:

— Только, подлещи, о своемъ брюхѣ думаете!

„Дурной! Всякъ человекъ о своемъ брюхѣ думаетъ!“

Панкрата коммуной испортили... попа зря погубилъ. Ишь, не пондравилось, что анафемой назвалъ! Вотъ теперь и отдувайся на колокольнѣ. Сволота! Коммуну придумали, а на что она мужику? Нешто это надѣль, ко-рова, аль лошадь? — Блажь одна! Ты жрать дай, брюхо содержи въ удовольствіи, вотъ это политика! Что я, мальчишка? Сегодня фыр-фыр, завтра сыр-сыр, а послѣ тыр-тыр буду? Плевать я хочу на эту политику!!!...

— Дяденька Ардаліонъ!

Ардаліонъ лѣниво поворачиваетъ голову и видитъ передъ собой мальчика Игнатку. Бѣлобрысый, плисовые портки и на головѣ солдатская шапка.

— Чиво? мычить Ардаліонъ.

— Колюшекъ ловить. А тебя матка Матрена спрашивала.

— Не лови, говоритъ Ардаліонъ, затонешь.

— Я ихъ рукой.

— Вотъ тебя водяной и схватить.

— Водяныхъ, дяденька, нѣту-ти! ухмыляется Игнатка.

— Кто сказалъ?

— Дядя Иванъ говорилъ, дядя Митряй и Василий изъ уѣздкома.

— А по башкѣ хошь? Живо свистану. Тыщи лѣтъ водяной водится, а теперь по декрету перевелся? Игнатка испуганно глядитъ на Ардаліона и сразу не можетъ отвѣтить.

— Мудрятъ все! продолжаетъ лѣниво Ардаліонъ. Слушай ихъ больше. Вонъ Панкратъ,—первый прохвость, а теперь въ колокола жарить. Садись-ко!

Игнатка садится рядомъ съ Ардаліономъ, и недовѣрчиво косясь на него, прижимаетъ къ тѣлу оттопырившуюся рубаху. Подъ рубахой Игнатки что-то шевелится.

— Что тамъ? спрашиваетъ Ардаліонъ.

— Скворца пымаль! весь зардѣвшись выпаливаетъ Игнатка.

— Пусти его!

Глаза Игнатки дѣлаются большими, рѣсницы часто мигаютъ, вотъ, вотъ—заплачетъ.

— Дяденька, я ребятамъ хочу показать.

— Я вотъ тѣ покажу! Пусти, говорятъ, не то въ рѣку сброшу!

Игнатка шаритъ рукой подъ рубахой и вытаскиваетъ скворца. Скво-

рецъ равнодушно глядитъ на Игнатку, на Ардаліона, не торопясь прыгаетъ съ разжатой руки мальчугана и отбѣжавъ въ сторону, спокойно расхаживаетъ, тыча клювомъ въ рыхлую землю.

— Птица, созданіе Божіе, говоритъ Ардаліонъ, птицу забижать нельзя.

И отбросивъ окурокъ, переворачивается на спину. Мигъ,—и Ардаліонъ забылъ объ Игнаткѣ. Онъ мечтательно глядитъ въ синее небо и даже закрылъ глаза.

Хорошо! Внизу шумитъ „Быстрица“, въ небѣ облака таютъ, а отъ села слышится звонъ. Долго лежитъ Ардаліонъ и отъ сладкой лѣни начинаетъ дремать. Неподалеку на животѣ растянулся Игнатка и ревниво слѣдя за скворцомъ, жуетъ молодую травинку.

А въ воздухѣ пасхальное волшебство, весна и апрѣль.

— Дяденька Ардаліонъ!

Но Ардаліону отвѣчать не хочется. Онъ шурясь глядитъ на поднявшихся надъ болотомъ грачей и старается ихъ сосчитать.

— Четыре... семь... девять...

Но грачи сбиваютъ Ардаліона. Они то смыкаются, то разбиваются на отдѣльныя стаи, то начинаютъ такъ быстро кружить на одномъ мѣстѣ, что трудно разглядѣть каждого въ отдѣльности.

— Дяденька Ардаліонъ!

— Ну?

— А какой такой царь?

— Вотъ погоди, услышитъ тебя уѣздомъ, онъ тѣ пропишетъ!

— Съ усами, аль съ бородой?

— Разные..., лѣниво бросаетъ Ардаліонъ.

— Молодой?

— Зачѣмъ? Царь молодой не долженъ быть. Царь завсегда въ возрастѣ. И чинъ на емъ военный, агрома-адный...

— А звать какъ?

— Всяко... Николай, Ликсандры, Петры.

— Много?

— Отстань! Чаво присталь? Шель-бы на село яйца катать.

— Яйца матка не даетъ. Говорить,—въ городъ на мѣну.

— Умно дѣлаетъ. Въ городѣ на яицъ,—штаны достать можно.

— А правда-ли, дяденька, что въ городѣ живую церковь придумали.

— Отстань, говорятъ... а тебѣ что?

— Ребята болтали, что сама ходитъ, словно живая.

Ардаліонъ поворачивается на бокъ, сплевываетъ и съ лукавой усмѣшкой говоритъ:

— Ишь ты! Да какъ-же церковь пойдетъ? Нешто у кирпича ноги вырастутъ?

— Сказывали, что ходитъ.

Но Ардаліонъ опять переворачивается на спину и глубокомысленно бросаетъ:

— Тутъ, братъ, дѣло въ механикѣ. Либо паромъ, либо бензиномъ, либо лектричествомъ.

Ему—все равно—чѣмъ ходитъ живая церковь, ногами-ли, паромъ или лектричествомъ. Сегодня онъ отстоялъ заутреню, разговѣлся, выругалъ Матренку за то, что не достала спиртного, потомъ выпался, подымался на колокольню, покалякалъ съ мужиками и пришелъ на берегъ рѣки погрѣться на солнцекѣ.

— Тебя, дяденька, matka Матрена звала.

— Пождетъ.

— Дѣло до тебя у Матрены.

— Говорю, пождетъ!

Лѣнь тащиться сейчасъ на село. Осточертѣло. Да и Матрена ему надоѣла. Мужа подъ Колчакомъ убило, вотъ баба и ластится.

— Игнатка, а Игнатка.

— Что-съ, дяденка?

— Батьку-то тебѣ, жаль?

— Очень жаль, дяденька.

— А батька-то твой дуракъ былъ!

— Зачѣмъ?

— Затѣмъ, что убили. Былъ-бы уменъ,—живъ былъ.

— Его, дяденька, взяли. Мибилізація. На селѣ шестнадцать мужиковъ пошла.

— Туда дуракамъ и дорога!

— Уйтить нельзя. Федоръ ушелъ, его и разстрѣляли.

— И Федоръ дуракъ! Уходить отъ призыва не полагается. Призванъ—значить иди. Военное дѣло безъ дисциплины не можетъ.

— Matka Матрена плакала очень.

— Пушай реветъ. Дура она у тебѣ, matka-то, и отецъ дуракъ.

— Что-жъ ему, дяденька, дѣлать?

Ардаліонъ шурится на солнце и чувствуетъ, что лѣнь не даетъ говорить. А

отъ села все гуще и гуще плывутъ колокольные звоны, и грачи перестали кружиться и опустились куда-то въ сторонѣ.

— Дяденька, а ты съ бѣлыми дрался?

Но Ардаліонъ закрываетъ глаза и чувствуетъ, что онъ уже не лежитъ на землѣ, а плыветъ по воздуху, какъ облако и подъ нимъ низко, низко, словно въ оврагѣ и „Быстрица“, и болото, и село съ голубой церковью и крутой берегъ, на которомъ сидитъ Игнатка. И укачиваютъ Ардаліона чьи-то невидимыя руки, какъ дитя малое, словно въ зыбкѣ. Хорошо!...

— Дяденька, а ты съ бѣлыми дрался?

И разомъ опять все исчезло. Солнце печетъ грудь, подъ обрывомъ шумитъ мутная „Быстрица“.

— Нешто я адіетъ? говоритъ Ардаліонъ и открываетъ глаза.

Даже лѣнь прошла. Хочется курить и балакать съ Игнаткой.

— Мнѣ, братъ, жизнь—не чужая. Безъ меня Матрена совсѣмъ разревется.

— Такъ ты-жъ, дяденька, призывался?

— Умѣть надо! Ты вотъ сиди, чего всталъ? Нечего глаза то мозолить! Да слушай, а я тѣмъ временемъ покурю. Игнатка садится и ищетъ глазами скворца. Но его уже нѣтъ,—улетѣлъ.

— Дяденька, скворецъ улетѣлъ!

— Бѣсъ съ имъ! Другого поймаешь.

Ардаліонъ поворачивается на животъ, достаетъ кисетъ и раскуриваетъ махорку.

— Слушай, Игнатка, говоритъ онъ, я тебѣ все расскажу, но только ни-ни, иначе знаешь меня,—живо утоплю въ „Быстрицѣ“. Камень на шею и иди ко дну!

— Да нешто я, дяденька, сболтну кому?

— То-то! Ты еще малый и всего не поймешь, иначе вѣрь мнѣ, что всѣ твой мужики и батька, и Федоръ, всѣ—дураки. Отъ призыва бѣжать—дезиртиство и во всемъ должонъ быть порядокъ. Надо дѣлать не такъ. Я службу люблю, хоть сей минутъ на войну, а только должна быть своя политика. Взяли меня прошлой весной. Какъ сейчасъ было, на Пасхѣ. Дни стояли теплиціе. Небо, солнце, птицы поютъ,

благодать! Назначили съ маршевой, посадили въ вагонъ и на позицію. Ловко?

Ардalionъ даже головой тряхнулъ и языкомъ прищелкнулъ. — Лучшаго мнѣ и не надо! Приѣхали, приготовились къ бою. Свечерѣло. Стало темно, и по небу звѣзды зажглись. За деревней, въ полѣ,—туманъ. Коростель закричалъ, и въ осьмой ротѣ на гармошкѣ заиграли. Я и не будь дуракъ: шастъ за плетень, да въ балку, да ивнякомъ къ лѣсу. Да все дальше и дальше. Черезъ березнякъ, черезъ малинникъ, верстъ съ пять, да въ сторону. Поднялся на косогоръ, а ужъ и лѣсъ кончается. Легъ на опушкѣ и проспалъ до утра. Слышу утромъ бахъ-бахъ! И все черезъ голову, все черезъ голову. Здорово такъ, быдто артиллерія рядомъ. Вскочилъ, осмотрѣлся. Слышу орудія справа. Повернулъ туда и пошелъ. Вышелъ на поляну и вижу: четыре пушки, солдаты бѣгаютъ, офицеръ въ погонахъ. Поднялъ руки и къ нимъ.

— Сдался?

— Зачѣмъ? Просто жрать захотѣлъ. Приняли меня, накормили, отправили въ штабъ. Изъ штаба въ полкъ. Дали мнѣ амуницію; штаны, френчъ и сапоги съ обмотками. Одѣлся, что баринъ. Ситнаго у нихъ,—почемъ зря и сала тоже. Не успѣлъ оглянуться, какъ — вечеръ. Красные отошли, а нашъ полкъ—въ ту деревню, изъ которой я тягу давалъ. Народъ въ деревнѣ знакомый. „Ты, говорятъ, опять здѣсь?“ Здѣсь говорю. „Къ бѣлымъ?“ А это, говорю, дѣло наше! Разбрелись ребята по деревнѣ и я съ ними. Гляжу, а нашего брата, хоть прудъ-пруди. Восемнадцать человекъ съ моей роты! „Здравствуй, Ардальонъ!“ Здорово! Смѣются, и мнѣ смѣшно. Вотъ, думаю, оказія какая. Одначе ухо остро держу, какъ-бы опять въ лѣсъ. Стянулъ каравай ситнаго, сала, да соли и гайда. Лежу въ кустахъ и ужинъ уписываю. Сычъ закричалъ. Гдѣ-то лиса тявкнула. А мнѣ, какъ въ раю, одно, что матки твоей не хватаетъ. Заправился, помолился на сонъ грядущій и расгнулся подъ бузиною.

Ужъ солнце печь стало, когда проснулся. Тихо. Только птицы трещать, да въ сторонѣ о дуплистое дерево дятель стучаетъ. Поѣлъ и лежу, какъ сейчасъ. Долго лежалъ, часа три, а можеть и больше. Вдругъ слышу, далеко,

далеко пушки палятъ, значить верстъ на двадцать ушли. Всталъ и побрелъ лѣсомъ. Отъ удовольствія, индо духъ захватываетъ. По деревьямъ бѣлки снуютъ, сквозь макушки небо синѣетъ, а по корнямъ солнце ластится.

Ежа поймалъ, привязалъ за ногу, легъ на брюхо, лежу и балуюсь. Надоѣло, бросилъ. Смеркаться стало. Началъ кружиться по лѣсу. На поле вышелъ. Вижу — деревня. Зайду, думаю, авось переночую, не выгонятъ. Назовусь раненымъ, и даже хромать сталъ. Вхожу, ковыляя, въ деревню, вижу, люди знакомые. Выходитъ, что въ ту-же деревню съ другой стороны попалъ. „Ты, говорятъ, опять здѣсь? Морду-бы тебѣ набить!..“ Отсталъ, говорю. Плуталъ, плуталъ, съ дороги сбился. Указали дорогу. „Пряникомъ не иди, — за шесть верстъ лѣса начнутъ, конца краю нѣтъ“. Ъсть попросилъ,—дали. Еще на дороге снуули, что въ два дня не сожрешь. Распрощался я и пошелъ. Прошелъ шесть верстъ, да и сиганулъ въ лѣсъ. Въ самую глушь прошелъ, чуть было въ болотѣ не погибъ.

Утромъ разбудила кукушка. Надъ самой головой куковала. Потомъ дождь пошелъ, — вымокъ, но къ полудню подсохъ, отогрѣлся. Потомъ въ лѣсной рѣкѣ выкупался, раковъ въ ей наловилъ, да подсыпавъ соли сварилъ въ манеркѣ. Сlopалъ и сытъ. Страсть, какъ хорошо было!

— А лѣшаго, дяденька, видѣлъ?

— Вратъ не могу, не видалъ, а встрѣтилъ похуже лѣшаго. Лежу, какъ-то подъ вечеръ въ малинникѣ, тихо кругомъ, никто не мѣшаетъ. Вдругъ, слышу шаги. Насторожился. Люди идутъ. Остановились! Одинъ и говорить: „Если найдете — стрѣляйте на мѣстѣ! Ихъ въ этомъ лѣсу человекъ тридцать!..“ Понялъ я, о комъ рѣчь идетъ. Притаился и дышать пересталъ. Слышу, — ушли. Ну, думаю, слава Царицѣ Небесной, спасень, а открой меня, хуже-бы лѣшаго было!

— А кто былъ-то, бѣлье? спрашиваетъ Игнатка.

— А Господь ихъ вѣдаты! Тогда все перепуталось, стрѣляли и справа и слѣва, не разберешь. Въ лѣсу всѣ зеленые. Потомъ увидались. Жили душа въ душу. Вспомнишь,—за сердце хватаетъ!

Двѣ недѣли въ лѣсу жилъ и сейчасъ-бы опять ушелъ, да войны нѣту. Замирились чтой-то.

Ардalionъ мечтательно поднялъ глаза, поглядѣлъ въ апрѣльское небо, затянулся подъ корешекъ и отбросилъ цигарку.

— А какъ-же ты, дяденька, безъ хлѣба въ лѣсу?

— Къ деревнямъ выходилъ, подкармливали. Всего на волѣ три мѣсяца прожилъ. Совсѣмъ бродягой задѣлался и полюбилъ свою жизнь пуше самого себя. Такъ бы съ ней и не разставался! Одиннадцать разъ шкуру мѣнялъ и всегда все сходило.

— Какъ, шкуру? недоумѣвалъ Игнатка.

— Извѣстно дѣло! То къ краснымъ, то къ бѣлымъ. Смотря какой резонъ выйдетъ. Мы всѣ такъ дѣлали. Во всемъ должна быть политика.

— А почто лѣсъ бросилъ? Холода, что-ль начались?

— Холодовъ не боюсь. Кажись зиму-бы въ лѣсу прожилъ. Къ звѣрю привыкъ, избродяжилъ. Полюбилъ и волю и лѣсъ и звѣрье и они меня по-

любили. Такъ и не оторвался-бы отъ сырой земли! Эхъ Игнатка, Игнатка, что за жизнь-то была!

— А самъ ушелъ?

Ардalionъ тяжело вздохнулъ, опять улегся на спину и нехотя промышчалъ:

— Войну кончили. Безъ войны, не то... себя не мобилизуешь. Ждать надо!

И это „ждать надо“ вышло у Ардалиона такъ печально, такъ безконечно тоскливо, что у Игнатки даже защекало въ горлѣ. Онъ тоже растянулся на брюхѣ, забылъ и о скворцѣ, и о маткѣ, и о томъ, что ребята на селѣ яйца катаютъ, и о томъ, что ему хотѣлось ловить колюшекъ. Онъ задумчиво глядѣлъ на свѣжіе молодые побѣги изумрудной травы, жадно вдыхалъ терпкій весенній воздухъ и думалъ:

— На войнѣ хорошо! На войнѣ не то, что съ маткой Матреной! Буду зеленымъ. Ежа пымаю, привяжу за ногу, ляжу на брюхо и глядѣть буду...

А надъ Игнаткой кружились грачи, синѣло апрѣльское небо, шумѣла подъ нимъ рѣка, и отъ села неслись колокольные гулы.

Влад. Гущикъ.

Замѣтки театрала.

„Царь Θεодоръ“ на сценѣ Русскаго Театра.

Когда русскій театръ, дѣлая, какъ это принято говорить, русское дѣло на чужбинѣ, пробавляется, за исключеніемъ рѣдкихъ спектаклей съ участіемъ большихъ силъ, всякой всячиной, то подходъ его къ такому сложному, литературнымъ образамъ, какъ „Царь Θεодоръ Иоанновичъ“ свидѣтельствуемъ о его дерзновеніи.

За это дерзновеніе можно чувствовать къ нему и удивленіе и благодарность.

„Царь Θεодоръ“ — это эпизодъ русской исторіи, расцвѣченный могучимъ талантомъ огромнаго русскаго поэта...

Забуться на нѣсколько часовъ въ событіяхъ и среди образовъ, такъ много говорящихъ русскому сердцу, это—большое счастье для мѣстнаго русскаго населенія въ особенности теперь, когда эти образы и событія тамъ, на

родинѣ, грубо стираются сейчасъ изъ народной памяти...

Услышать и насладиться чистой русской рѣчью въ то время, когда благородный языкъ калѣчится на родинѣ и подвергается невольному колѣченію и на чужбинѣ... — вѣдь это тоже не меньшее счастье для каждаго русскаго.

Но театръ, дерзнувшій поставить у себя „Царя Θεодора“, долженъ примириться съ мыслью о критикѣ, безпристрастной и серьезной, чуждой какихъ бы то ни было сантиментальныхъ побужденій и захлебывающагося восторга, — ибо не дѣло критики восхвалять „во что бы то ни стало“ и превращать критическія статьи, какъ это наблюдается сейчасъ, въ рекламу, вызывающую улыбку и не внушающую довѣрія.

Критика и театръ должны быть чужда дешевыхъ пріемовъ. Такіе прі-

емы вообще чреваты отрицательными послѣдствіями.

Къ произведеніямъ размаха „Царя Θεодора“ такіе приемы неосновательнаго благорасположенія и вовсе не подходятъ: Критика „Царя Θεодора“ должна быть прежде всего полной уваженія къ самой трагедіи, какъ образцу, въ сокровищницѣ русской литературы выдающемуся, и если она проникнута этимъ уваженіемъ, то все остальное въ ея разсужденіяхъ поневолѣ отвѣтитъ дѣйствительности, будетъ объективнымъ и, слѣдовательно, цѣннымъ...

„Царь Θεодоръ“ прошелъ въ русскомъ театрѣ нѣсколько разъ, поставленъ г. Лихачевымъ въ новыхъ декорацияхъ и въ костюмахъ, взятыхъ театромъ на прокатъ изъ театра „Эстоніи“.

Декорации — свѣжи, болѣе или менѣе приближаются къ эпохѣ, въ особенности въ рисунокѣ царскихъ и боярскихъ палатъ. Нѣсколько наудачна — площадь передъ Архангельскимъ Соборомъ. Здѣсь художникъ задался дѣлю дать перспективы Кремля, вслѣдствіе чего пострадала реальность картины... передній планъ декорации оказался не соответствующимъ въ своихъ размѣрахъ росту дѣйствующихъ лицъ... Получилось впечатлѣніе, что взрослые двигаются среди кукольныхъ зданій...

Костюмы — смѣшанные по стилю и за исключеніемъ костюмовъ Царя Θεодора, потертые, и при томъ ихъ мало. Странно было то, что Годуновъ и кн. И. П. Шуйскій и прочіе князья и бояре, такъ и не мѣняли своего платья, — оставаясь въ немъ и дома, и въ гостяхъ и на царскихъ выходахъ.

Впрочемъ — это условность, съ которой можно мириться, принимая во вниманіе условія, въ которыхъ работаетъ театръ.

Идея трагедіи: Вокругъ Царя Θεодора идетъ борьба двухъ началъ, стараго — князь Иванъ Петровичъ Шуйскій, и новаго — съ устремленіемъ къ реформѣ русской жизни — Борисъ Годуновъ. Царь Θεодоръ въ своемъ желаніи примирить эти два начала, не дать перевѣса ни тому ни другому, — дѣлается причиной кровавой развязки: гибнуть насильственной смертью князь И. П. Шуйскій со своими сторонниками и гибнетъ царевичъ Дмитрій въ Угличѣ,

— первые, какъ жертва случайной побѣды новаго начала въ лицѣ Годунова, послѣдній какъ жертва Годунова, усумнившись на одну минуту въ успѣхъ своихъ плановъ вслѣдствіе недолгаго разрыва съ Θεодоромъ.

Царь Θεодоръ — Лихачевъ. Θεодоръ въ трагедіи — это человекъ надѣленный огромными душевными качествами: кротостью, безконечной добротой, незлобностью, великодушіемъ, любовью ко всѣмъ и всему... И если бы эти качества не затмѣвались въ немъ его слабостью и нѣкоторой ограниченностью ума, — то это — былъ бы святой. Вотъ почему Θεодоръ — „тихий свѣтъ“, почти Христосъ въ парчѣ русскихъ царей. Онъ весь кристальный, нѣжный, и въ своей чистотѣ ребенка — поражающій, часто мудрой великой христіанской мудростью. На всемъ протяженіи трагедіи онъ именно такой, и въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онъ трагиченъ („Я царь или не царь“, „Палачей!“) онъ остается такимъ же потому, что трагедія касаясь его души и сердца, не въ силахъ озлобить ихъ. Таковъ же онъ и въ своей безконечной любви къ своей Иринѣ, которая какъ ангель хранитель остается около него въ счастливыя и тяжелыя минуты его жизни и въ которой онъ находитъ единственное свое утѣшеніе.

Лихачевъ — этого образа не далъ, истолковавъ Θεодора, въ тонахъ, въ которыхъ онъ вообще специализировалъ свое дарованіе. Это былъ Θεодоръ въ тѣхъ своеобразныхъ рамкахъ, въ какихъ публика привыкла видѣть этого актера въ его излюбленныхъ роляхъ — Короля Дагобера, Шута на тронѣ и др., съ тѣми же жестами, съ той же игрой мускуловъ лица, съ тѣми же интонаціями въ лирическихъ и выкриками въ трагическихъ мѣстахъ роли. Конечно, большой опытъ актера сказался и въ исполненіи этой роли... Она проведена была неправильно, но все таки проведена.

Къ опредѣленному минусу артиста — мы относимъ его стремленіе въ этой роли къ реальности, вовсе не требуемой трагедіей и противной указаніямъ поэта. Не слѣдовало артисту въ внѣшнемъ обликѣ — проявлять физическіе признаки вырожденія. Зачѣмъ эта полусгорбленная фигура, руки калачемъ съ

ладонями, собранными въ горсть, всегда открытый ротъ, дававшій непріятную картину черной дыры на лицѣ, эти устремленные въ одну точку глаза... Все это явно стѣсняло артиста, мѣшало ему быть проще, мягче и естественнѣй, досадно стирало грань между лирикой и трагизмомъ. Все это, кромѣ того, создавало въ зрителѣ непріятное чувство физическаго напряженія, портившаго общее впечатлѣніе...

Годунова игралъ Рахматовъ и тоже не вполнѣ удачно. Но эту неудачу мы объясняемъ либо неправильными указаніями режиссера, либо-же тѣмъ обстоятельствомъ, что талантливый актеръ, будучи занятъ во всѣхъ очередныхъ спектакляхъ, просто не имѣлъ времени надлежаще продумать эту роль, ни въ гримѣ, ни въ исполненіи. А между тѣмъ Годуновъ, стальная натура, желѣзная воля, взглядомъ убившій Грознаго, непреклонно шедшій къ своей цѣли, беспощадно истреблявшій своихъ враговъ, такой Годуновъ—всецѣло въ талантѣ Рахматова...

О князѣ Иванѣ Шуйскомъ, этомъ героѣ Пскова, этомъ поборникѣ Старой Руси, благородномъ, великодушномъ врагѣ Годунова—въ исполненіи Круглова серьезно говорить не приходится. На сценѣ, увы, дѣйствоваль рождественскій дѣдъ, и конечно, сцены объясненія съ Ириной и съ Θεодоромъ, и въ особенности послѣдняя сцена, когда этотъ бояринъ—воинъ, старый русскій богатырь, обезоруженъ чистотой царя... — прошла скомканной...

„Нѣтъ, онъ святой.

„Богъ не велитъ подняться на него...

У Круглова совершенно пропало...

Дать роль Ирины—г-жѣ Котляревской—было грубѣйшей ошибкой режиссера и по отношенію къ указаніямъ поэта и по отношенію къ публикѣ. Ирина—вовсе не „теремная царица“... Это прежде всего историческая личность, которая какъ ангелъ хранитель стояла около Θεодора, оберегая его, иногда охраняя его и никогда не забывая напомнить ему, что онъ царь. И не только „ангелъ—хранитель“ Θεодора. Народъ почиталъ ее за таковую,—преклоняясь передъ ней безъ различія партій... Олицетвореніе необычайной, всеобъемлющей любви—царица Ирина

дѣйственна въ трагедіи на столько, что если этотъ образъ на сценѣ неудаченъ,—то вся трагедія лишается главнаго своего очарованія, уже не говоря о томъ, что такой неудачей страшно осложняется исполненіе роли самаго Θεодора.

Въ полномъ смыслѣ слова неудачной—какъ съ внѣшней стороны, такъ и въ смыслѣ исполненія—была въ этой роли А. Н. Котляревская. Она очевидно рѣшила, что для этой роли довольно надѣть русскій костюмъ, выучить стихи, и проговорить ихъ со склоненной на бокъ головой безъ запинки на сценѣ... Большаго объ исполненіи ею этой роли—сказать ничего нельзя...

Были хорошо исполнены роли кн. Шаховскаго—г. Катеневымъ и Клешнина—г. Кусковскимъ. Катеневъ далъ отличный образъ молодого лихова князя, горячо провелъ сцену съ Шуйскими въ саду и по заслугамъ удостоился привѣтствій зала. Кусковскому мы бы посоветовали—на будущее время при исполненіи Клешнина—дать другой гримъ и забыть свою обычную мягкость тона на сценѣ... Клешнинъ былъ грубый мошенникъ, и эта основная черта его характера непремѣнно должна быть выражена въ нѣкоторой грубой подчеркнутости грима... Это было бы соотвѣтственно съ указаніями поэта.

Неудачной княжной Мстиславской—была Мерянская, неудачной ни съ внѣшней стороны, ни въ драматическихъ мѣстахъ—прощанія съ Шаховскимъ и въ послѣдней картинѣ, когда она узнаетъ о смерти дяди и жениха... Къ этой роли болѣе бы подходила г-жа Раулова.

Очень хорошая Волохова—г-жа Гаррай. Такія роли ей удаются чрезвычайно...

Объ остальныхъ исполнителяхъ—мы умолчимъ, такъ какъ ничего хорошаго сказать не можемъ.

Въ общемъ—исполненіе провинціальное, сѣренькое, и конечно непріемлемое для той Россіи, которая видѣла Царя Θεодора въ театрѣ Суворина съ незабываемымъ Орленевымъ въ заглавной роли, или въ Московскомъ Художественномъ театрѣ съ менѣе удачнымъ Θεодоромъ въ лицѣ Москвина, но за то съ такой царицей Ириной—какъ покойная Савицкая, заставившая гово-

рять о себѣ въ этомъ образѣ всю Москву...

Но все таки—эта постановка—большая заслуга русскаго театра въ Ревелѣ... Невзыскательная Ревельская публика съ удовольствіемъ смотрѣла „Царя Теодора“, влекомая конечно не художественностью исполненія, а самой траге-

діей, могучимъ талантомъ автора-поэта и тѣмъ душевнымъ волненіемъ, которое невольно пробуждалъ въ зрителяхъ этотъ талантъ и „старая“ Русь, встающая въ этой трагедіи, какъ укоръ современной униженной Россіи...

Не рецензентъ.

Признали . . .

... Въ отвѣтъ на ультимативное требованіе совѣтовъ о признаніи ихъ „de jure“, Караханъ въ 24 часа высланъ изъ Китая...
Изъ газетъ.

Макдональдъ (озадачено): Какъ, однако, странно эти китайскія церемоніи! Что за некультурное обращеніе съ моимъ почтеннымъ контръ-агентомъ послѣ признанія „de jure“?!

К И Н О.

„Мессалина“.

Съ 19-го апрѣля будетъ демонстрироваться въ „Рекордъ“ одна изъ лучшихъ фильмовъ сезона — „Мессалина“, картина постановки режиссера Генрико Гуаццони, который работалъ надъ ней болѣе двухъ лѣтъ. Работа эта всколыхнула общественное мнѣніе всей Италіи.

Мѣсяцами появлялись въ газетахъ цѣлые столбцы о ходѣ работъ этой картины. Журналы помѣщали снимки участвующихъ артистовъ, отдѣльных сценъ и фильма „Мессалина“, пользуется такой популярностью, какъ рѣдкая картина до нея. Этотъ интересъ совершенно понятенъ, если посмотримъ на

ту работу, которую совершилъ создатель фильма Генрико Гуаццони. Онъ не хотѣлъ намъ дать только картину любовныхъ похождений Мессалины, нѣтъ, онъ хотѣлъ намъ нарисовать картину эпохи, гдѣ начала рушиться подъ влияніемъ падающихъ нравовъ и безпрестанныхъ оргій великая Римская Имперія. И это ему удалось.

„Мессалина“, жена (третья) римскаго императора Клавдія, извѣстна своимъ распутствомъ, властолюбіемъ и жестокостью. Жертвами ея жестокости пали дочери Германика и Друза, и рядъ выдающихся политическихъ дѣятелей. Безстыдство ея доходило до крайнихъ границъ и тѣмъ болѣе было возмутительно, что она принуждала къ тому же и другихъ, самыхъ благородныхъ женщинъ. Однажды, въ отсутствіе императора, Мессалина вступила, соблюдая всѣ формальности, въ бракъ съ красавцемъ Гаемъ Силиемъ и задумала возвести его на престолъ. Оставшіеся вѣрными слуги императора, и во главѣ ихъ его секретарь, вольноотпущенникъ Нарцисъ, донесли объ этомъ Клавдію и несмотря на его колебанія, добились у него смертнаго приговора надъ Мессалиной, который и былъ немедленно приведенъ въ исполненіе въ ея городской виллѣ—Лукулловыхъ садахъ. Имя Мессалины сдѣлалось нарицательнымъ

для женщинъ, занимающихъ высокое положеніе и отличающихся безстыдствомъ и распущенностью.

Въ роли Мессалины, дама общества, артистка Рина де Лигноро. **Б. С.**

— „Пассажъ“. Съ 20 апрѣля „Деньщикъ“, комедія по роману Гюи де-Мопассана и веселая американская комическая.

— „Рояль-Віо“. Съ 20-го апрѣля „Доска смерти“, драма въ 7 частяхъ и комедія въ 2-хъ актахъ.

Радиофонъ въ ... Немме.

Какъ намъ сообщаютъ, группа предпринимателей, во главѣ съ бывшимъ владѣльцемъ кинотеатра „Star“, г. Матекунасъ, начнетъ въ ближайшемъ будущемъ постройку въ Немме большого кинотеатра, оборудованнаго по послѣднему слову техники.

Несомнѣнно, новинкой не только для неммеской, но и для ревелъской публики явится установка большого радиофона, уже заказаннаго у одной германской фирмы.

Такимъ образомъ, поклонники „Великаго нѣмого“ будутъ имѣть возможность, просматривая кинодраму, улаждать свой слухъ музыкой, передаваемой по радиофону, скажемъ, изъ... Парижа или Лондона. **А.**

Копилка курьезовъ.

Недоразумѣніе.

Къ доктору пришелъ за совѣтомъ старикъ хуторянинъ, жалуясь на холодъ въ ногахъ и рукахъ, которыхъ ничѣмъ онъ не можетъ согрѣть.

„Это явленіе присуще всѣмъ намъ, старикамъ, и тутъ ни одно лѣкарство не поможетъ“, сказалъ въ отвѣтъ докторъ. „Со мною это тоже нерѣдко случается и когда дѣлается не втерпежь, то я ложусь въ кровать, подъ

одѣяло, рядомъ съ моей женой и только такимъ образомъ понемногу согрѣваюсь. Совѣтую и Вамъ такъ поступать, а другого болѣе вѣрнаго средства нѣтъ“.

Хуторянинъ долго вертѣлъ шляпой въ рукахъ, обдумывая сказанное, и, наконецъ, произнесъ: „Что же, г-нъ докторъ, попробую и я. Только вотъ не знаю, когда у г-жи докторши найдется подходящее для этого время“.

(„Päewaleht“).

Пять рондо.

1.

Я—какъ во снѣ. Въ странѣ иноязычной,
Въ глухомъ лѣсу, въ избушкѣ, въ тишинѣ,
Для всѣхъ чужой, далекій, необычный,

Я—какъ во снѣ.

И кажется порой невольно мнѣ,
Что умеръ я, что голосъ жизни зычный
Не слышенъ мнѣ въ могильной глубинѣ.
Я стыну весь въ привычкѣ непривычной—
Всегда молчать въ чужой мнѣ сторонѣ,
И, чувствуя, что я для всѣхъ отличный,

Я—какъ во снѣ.

2.

Проходятъ дни. Въ глухомъ уединеньи,
Полузабытый, гасну я въ тѣни...

И вотъ, хрипя, какъ ржавой цѣпи звенья,

Проходятъ дни.

О, дорогая! мы съ тобой одни,

И въ этомъ тоже скрыто упоенье,

Но все-таки трибуну мнѣ верни...

Ты слышишь-ли въ груди моей бѣенье?

И блескъ, и шумъ—художнику сродни...

Трибуны нѣтъ. И въ тяжкомъ раздвоенъи

Проходятъ дни.

3.

На пару дней, не больше, зачастую
Меня влечетъ въ толпу людскихъ тѣней,
И хочется мнѣ въ эту людъ густую

На пару дней...

Что можетъ быть убоже и бѣднѣй,

Чѣмъ эта людъ! О, какъ я въ ней тоскую,

И какъ всегда безлюдье мнѣ роднѣй!

Но иногда, когда я холостую

Привычку вспомню: быть среди людей,

Я вдругъ отчаянно запротестую

На пару дней...

4.

Дай руку мнѣ: мнѣ какъ-то странно—
вяло...

Мнѣ призрачно... Я точно весь въ лунѣ...

Чтобъ грудь моя бодрѣ задышала,

Дай руку мнѣ.

О завтрашнемъ мнѣ странно думать днѣ,

О настоящемъ думаю я мало...

Хоть что-нибудь напомни о веснѣ,

Возстанови мотивъ ея хорала

И, намекнувъ, что намъ наединѣ

Съ тобой одной весны не доставало,

Дай руку мнѣ.

5.

Быть можетъ—„да“ и также „нѣтъ“—
быть можетъ,

Что намъ нужны порою города,

Гдѣ все насъ раздражаетъ и тревожитъ...

Быть можетъ—да.

Конечно, это только иногда,

И большей частью городъ сердце гложетъ...

Тамъ даже рѣкъ вода—какъ не вода...

Одна природа насъ съ тобой обожитъ—

Источникъ наслажденья и труда.

Не правда-ли, что городъ всѣхъ убожитъ?

Быть можетъ—да...

Toila.

Игорь Сѣверянинъ.

Отъ редакціи.

Въ настоящій первый номеръ по техническимъ причинамъ не вошли написанные специально для журнала „Эмигрантъ“: „Сильные духомъ“—изъ личныхъ воспоминаний о генералѣ Л. Г. Корниловѣ—статья проф. А. Баюва. „Домъ семи смертныхъ грѣховъ“—рассказъ Александра Черниговскаго. „Новости медицины“—статья д-ра Н. Колпакова. „Танецъ Черной Змѣи“—рассказъ З. Гай. Слѣдующій номеръ журнала, куда войдетъ этотъ и другой матеріалъ, предполагается выпустить къ 1 Мая.

ТИПОГРАФІЯ и ПЕРЕПЛЕТНАЯ

„ERK”

❖ TALLINN, Suur Juhkentali tänav Nr. 2 ❖

Телефонъ

25-11

Telefon

25-11

TRÜKIKODA
RAAMATUKÖITE

BUCHDRUCKEREI
BUCHBINDEREI

Къ свѣдѣнію уважаемой публики!

Къ предстоящимъ праздникамъ лучший подарокъ
предлагаетъ Вамъ фабрика

„ERMIS”

разные сорта: конфектъ, мармелада и **халвы**,
а также разные сорта восточныхъ сладостей.

Требуйте во всѣхъ магазинахъ!!!

Съ почтеніемъ

А. АЛЕКСАНДРИДИ.

Б. Компасная, 12. Телеф. 17-17.

ТАБАЧНАЯ ФАБРИКА

„ESLON”

(OMANIK O'й. A. FLEMING & Co.)

Высшаго качества
папиросный и трубочный табакъ

Ревель, Munga tän. 5. Телеф.: 22-53, 9-40.